

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ
(ИПКгосслужбы)**

И.А. Хасанов

**Антропосоциогенез и происхождение
СОЗНАНИЯ**

(некоторые методологические вопросы)

Редактор Н.С. Хасанова

Москва

2006

Хасанов И.А. Антропосоциогенез и происхождение сознания (некоторые методологические вопросы). – М.: ИПКГосслужбы, 2006. – 44 с.

В работе, посвященной проблеме происхождения человека и человеческого общества, обосновывается мысль о том, что некоторые закономерности постнатального развития ребенка повторяют закономерности формирования сознания индивидов в ходе становления биологического вида *Homo sapiens*. Признавая неперенным условием формирования сознания у современных детей наличие нормальной социальной среды и обладающих сознанием взрослых людей, автор высказывает мысль о том, что на определенном этапе филогенеза Человека отсутствие обладающих сознанием взрослых индивидов могло компенсироваться развитой системой коммуникации, превратившей язык общения в наиндивидуальную информационную систему, выполнявшую роль своего рода группового сознания сообщества животных предков человека.

Выдвинуто предположение, что в становлении сознания в онто- и филогенезе человека существуют два этапа, связанные с формированием у индивидов субъективного пространства и субъективного времени.

Введение

Проблема происхождения человека и человеческого общества заинтересовала нас в связи с изучением субъективного пространства и субъективного времени человеческого сознания¹. Результаты исследования сущности и функций субъективного пространства и субъективного времени позволили заключить, что субъективное пространство и субъективное время составляют принципиальное отличие сознания человека от психики животных, причем из этих двух атрибутивных элементов человеческого сознания наиболее важное значение имеет субъективное время, которое дает возможность воспринимать объективно-реальную действительность в ее временной протяженности в прошлое и будущее, а также выявлять и осознанно учитывать существующие между прошедшими, текущими и предстоящими событиями причинно-следственные связи. Это означает, что формирование человеческого сознания как в онтогенезе индивида, так и в филогенезе человека должно быть связано с формированием и развитием, во-первых, пространственно-образного восприятия объективно-реальной действительности, и, во-вторых, восприятия материального мира в его временной протяженности как мира событий².

---

¹ См.: /Хасанов, 2005, 2006/.

² Существует большой объем литературы, посвященной проблеме происхождения сознания (см., например, работы: /Бондаренко, 1979; Ерахтин, 1989; Спиркин, 1960, 1966; Туровский, 1963/ и др.). В некоторых из них рассматриваются вопросы возникновения и развития способности воспринимать и познавать пространство и время, однако, насколько нам известно, нет работ, в которых становление сознания рассматривалось бы через призму возникновения и развития у древних предков человека субъективного пространства и субъективного времени.

На уровне психики животных результаты восприятия окружающей среды остаются в основном в пределах материальных (информационных) процессов головного мозга и используются в автоматически протекающем программировании поведения и жизнедеятельности живого организма. При этом активируется соответствующая область сформированного на основе предшествующего опыта животного плана-макета освоенной территории³, формируются и непрерывно уточняются информационные модели ожидаемого и желаемого будущего и решаются задачи сближения этих моделей за счет корректировки формируемых планов и программ предстоящего поведения и жизнедеятельности.

При наблюдении за поведением и жизнедеятельностью животных результаты автоматически протекающих в нервно-мозговой системе информационных процессов часто выглядят как вполне осознанные и регулируемые волевыми усилиями животного действия. Однако анализ тех состояний человека, при которых у него по тем или иным причинам полностью или частично «отключается» сознание, вследствие чего его поведение и деятельность начинают регулироваться только информационными программами досознательной психики, без обычного контроля со стороны сознания⁴, говорит о том, что восприятие человеком окружающей среды **на уровне психики** отличается от восприятия им объективно-реальной действительности **на уровне сознания** тем, что при восприятии на уровне психики отсутствует осознаваемая человеком пространственно-образная «картина мира». Имеются также веские основания предполагать, что при восприятии окружающего мира на

³ См.: /Гибсон, 1988; Хасанов, 2004/.

⁴ Состояниями частичного «отключения» сознания являются, например, состояния истерической слепоты и истерической глухоты (см.: /Святош, 1971; Хасанов, 2004/).

уровне психики воспринимаемая человеком объективно-реальная действительность теряет свою временную протяженность в прошлое и будущее и сводится лишь к непосредственно данному в текущий момент настоящего времени состоянию окружающей среды.

Анализ значительного объема литературы показал, что вопросы возникновения и развития субъективного пространства и субъективного времени в ходе онто- и филогенетического становления человека разработаны крайне слабо. Более того, подавляющее большинство естествоиспытателей и представителей гуманитарных наук рассматривают пространство и время лишь как объективные формы бытия материи. В философии и гуманитарных науках преимущественно обсуждается вопрос о становлении и развитии в ходе антропосоциогенеза и в процессе воспитания детей способности воспринимать объективное время. Что касается пространства, то в соответствии с широко распространенным представлением, согласно которому современные дети (так же, как и детеныши обладающих зрением животных) чуть ли не с самого момента рождения обладают пространственно-образным восприятием окружающей среды, вопрос о генезисе восприятия человеком пространства до недавнего времени и вовсе не ставился.

Вместе с тем в ряде наук, изучающих происхождение человека и развитие ребенка, накоплен большой фактический материала, философский анализ и обобщение которого может помочь выявить закономерности становления и развития субъективного пространства и субъективного времени как в фило-, так и в онтогенезе человека.

В настоящей работе, анализируя принципиально важные моменты происхождения сознания, мы рассмотрим некоторые аспек-

ты формирования и развития субъективного пространства и субъективного времени. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что эти проблемы крайне сложны и что в их решении сделаны еще только первые шаги, поэтому развиваемые нами идеи и представления – это только гипотезы, критическое обсуждение которых будет способствовать решению вопросов возникновения и развития человеческого сознания.

1. Основные источники информационной базы современных теорий антропо- и социогенеза

Еще сравнительно недавно, а именно в первой половине XX столетия, казалось достаточно надежно установленным, что человек как биологический вид *Homo sapiens* произошел примерно 35-40 тыс. лет тому назад от ископаемых предков – неандертальцев, которые, в свою очередь, ведут свою родословную от ископаемых человекообразных обезьян.

Ситуация резко изменилась после того, как в 1960 году знаменитый английский антрополог и археолог Луис Лики (1903-1972) нашел в Олдувайском ущелье (Танзания) останки гоминида, мало чем отличавшегося от австралопитеков, возле которых находились обработанные каменные орудия и кости животных. Ископаемый гоминид, возраст которого оказался равным примерно 1,75 млн. лет, был назван *Homo habilis* («человек умелый») /Leakey, Tobias, Napier, 1964/.

На первых порах находки Л. Лики вызвали у многих исследователей серьезные сомнения относительно искусственного происхождения каменных орудий и их возраста⁵, но тщательные исследо-

---

⁵ См., например: / Clark J., 1962; Кочеткова В.И., 1972/.

вания как костных останков наших древних предков, так и найденных при них каменных орудий не оставили никаких сомнений ни в возрасте находок, ни в искусственном происхождении каменных орудий. Это привело к тому, что подавляющее большинство исследователей начали отстаивать представление, согласно которому человек и человеческое общество возникли порядка 1,5 – 2 и более миллионов лет тому назад в результате постепенного формирования индивидуального сознания в условиях стадной организации жизни животных предков человека. Характеризуя распространенные в начале 90-х годов подходы к решению проблемы антропосоциогенеза, В.П. Алексеев и А.И. Першиц писали: «Первобытно-общинный строй был самым длительным по времени – более миллиона лет – этапом истории человеческого общества. Определять его нижнюю грань сколько-нибудь точно не легко, т.к. во вновь обнаруживаемых костных останках наших далеких предков большинство видит то предчеловека, то человека и время от времени преобладающее мнение меняется. В настоящее время одни ученые считают, что древнейший человек (а тем самым и первобытное общество) возник 1,5 – млн. лет назад, другие относят его появление по времени более 2,5 млн. лет назад. Верхняя грань первобытного строя колеблется в пределах последних 5 тыс. лет, различаясь по разным континентам» /Алексеев, Першиц, 1990, с. 6/.

Таким образом, предполагается, что «подготовка» сознания началась задолго до возникновения способности целенаправленно изготавливать и регулярно совместно использовать орудия труда, еще в период орудийной деятельности животных предков человека. С момента же появления такой способности (т.е. порядка 1,5 – 2 млн.

лет назад), считают сторонники подобных взглядов, возникает осознанная трудовая деятельность, формируются общественные отношения и возникает первобытное человеческое общество, ведущее «присваивающее хозяйство».

Так, например, А.М. Румянцев в начале 80-х годов писал, что для политической экономики фундаментальное значение имеет деление эволюции первобытного общества на три этапа. «Первый этап - самый длительный, охватывающий более двух с половиной миллионов лет, известен <...> как период первобытного человеческого стада» /Румянцев, 1981, с. 23/. Длительный период второй этап представляет собой «период родовой организации первобытного общества» или «период родовой общины». И, наконец, длившийся несколько тысяч лет третий этап представлял собой «период отмирания родовой организации первобытного общества и развития сельской или территориальной общины, когда зародилась и развилась частная собственность на средства производства, зародились классы, развернулся скачкообразный переход к классовому обществу с определенным государственным строем, а следовательно, и господством новых производственных отношений» /с. 23/.

А.М. Румянцев отмечает, что вопрос о месте первого периода (первобытного человеческого стада) в истории первобытного общества вызвал в свое время в советской литературе полемику. Большинство советских ученых, пишет он, пришло к выводу, что «период первобытного человеческого стада - это наиболее ранний этап первобытнообщинной формации» /с. 24/. Однако в свое время, когда подобная концепция еще только завоевывала господствующее положение в отечественной науке, были исследователи, которые, как пишет А.М. Румянцев, рассматривали «человеческое стадо как чисто биологическую форму организации, в которой труд носил животный характер (инстинктивный) наподобие деятельности муравьев, пчел и т.д.» /с. 24-25/, но эта концепция, отмечает автор, «была обоснованно отвергнута подавляющим большинством, можно сказать, всеми советскими учеными, занимающимися данной проблемой» /с. 25/.

Не останавливаясь подробно на анализе получивших широкое распространение в отечественной исторической науке представлений об основных этапах антропосоциогенеза, обратим внимание на один методологически важный их аспект. Мы имеем в виду то обстоятельство, что в них имелся весьма серьезный разрыв между антропогенезом и социогенезом с заметным преувеличением значения

становления и развития индивида, формирования его видовых признаков как представителя биологического вида *Homo sapiens*.

При этом важную роль играло предположение о том, что целенаправленное и регулярное изготовление каменных орудий уже изначально требовало наличия определенного, хотя и элементарного, уровня осознанности поведения и деятельности. Критикуя подобные представления, Б.Ф. Поршневу писал, что за наидревнейшими каменными орудиями усматривают такие качества, которые якобы свидетельствуют о наличии у их создателей элементов человеческого ума и сознания, не учитывая того, что современная зоология позволяет объяснить аналогичные качества без подобных предположений /Поршневу, 1974, с. 44-45/.

В качестве критерия, отличающего орудия древнейшего человека от любого используемого животным подобия орудий, а также от любых искусственных сооружений животных, указывается на неизменность последних, тогда как человеческие орудия изменяются, эволюционируют при неизменности телесной организации, т.е. морфологии человека как вида. Рассматривая этот аргумент, Б.Ф. Поршневу указывает, во-первых, на тот факт, что, например, «стереотип гнездования не остается нерушимым шаблоном. Иногда отклонения от него носят индивидуальный характер. Подчас же резкое отклонение от видового стереотипа принимает устойчивый и нарастающий массовый характер в связи с экологическими изменениями. Птицы обнаруживают экологическую и этологическую пластичность при полной неизменности их анатомии»⁶ /с. 46-47/. Таким образом, общий шаблон или стереотип изменяется в соответствии с изменением экологических условий. «Но ведь ископаемые гоминиды, - пишет Б.Ф. Поршневу, - жили как раз в условиях очень нестабильной, многократно менявшейся природной среды с перемежающимися похолоданиями и потеплениями, со сменяющимися сухостью и влажностью, со сменяющимися биогеоценозами. Орудия нижнего и среднего палеолита изменялись ни в коем случае не быстрее этих экологических перемен» /с. 47/.

В критикуемых Б.Ф. Поршневым работах, помимо усилий «подобрать простой сравнительно – психологический ключ к

⁶ Пожалуй, наиболее разительные изменения образа жизни и обустройства своего жилища (гнезд, нор и т.д.) можно наблюдать в тех случаях, когда птицы и дикие животные (зайцы, лисы) вынуждены приспосабливаться к жизни в городских условиях.

проблеме начала человеческой истории» /с. 46/, мы находим представление о ведущей роли, особенно на ранних этапах антропосоциогенеза, индивидуального развития животного предка человека, т.е. процессов антропогенеза, тогда как становление человеческого общества, т.е. процессы социогенеза, рассматриваются как результат сознательной целенаправленной деятельности уже сформировавшегося к концу существования человеческого стада разумного человека.

Однако насколько обоснованны подобные представления? Действительно ли можно доказать, опираясь на данные антропологии, археологии, этнографии и других наук, что обладающий сознанием человек и соответственно человеческое общество возникли полтора – два с половиной миллиона лет тому назад? Насколько подобные выводы базируются на фактическом материале наук, причастных к решению проблемы происхождения человека, и в какой степени подобные выводы состоят из гипотетических предположений самих исследователей?

Перечень наиболее важных источников научных данных, на которые опираются современные представления о происхождении человека и человечества, дает Д. Кларк, который пишет: «К основным источникам, на которых основаны попытки осмыслить образ жизни древнейших создателей орудий, относятся прежде всего их костные останки; сопутствующие предметы материальной культуры; останки фауны; характерные признаки стоянок, где встречаются перечисленные выше виды материала; а также последние по счету, но не по значению, образ жизни шимпанзе и горилл. К этому необходимо добавить все данные о палеоклимате, полученные в ре-

зультате изучения литологии слоев, содержащих ископаемые останки» /Кларк, 1977, с. 57/.

Какого же рода информация об основных этапах антропосоциогенеза может быть получена из этих источников?

Прежде всего изучение костных останков позволяет установить время, когда наши древние предки окончательно встали на задние конечности и начали передвигаться на двух ногах со всеми вытекающими отсюда последствиями /Бунак, 1976/. Морфология костей рук, в особенности морфология кистей, свидетельствует о том, насколько тонкие манипуляции с предметами мог совершать наш предок и, в частности, насколько искусным создателем орудий могло в принципе быть то существо, костные останки которого изучаются /Бонч-Осмоловский, 1941; 1944; Юзефович, 1938/. Далее, по костным останкам можно не только очень точно восстановить внешний облик, но даже воспроизвести скульптурные портреты наших предков, если достаточно хорошо сохранились кости черепа /Герасимов, 1955/. Тщательное изучение костей черепа позволяет судить об уровне психического и интеллектуального развития на основе выявления объема и некоторых элементов структуры мозга /Бунак 1951 а, b; Успенский 1958 а, b/, в частности, уровня развития лобных, височных и некоторых других долей коры головного мозга. Изучение же строения ротовой полости и носоглоточных частей черепа позволяет судить о способности издавать звуковые сигналы и, в конечном итоге, о степени готовности органов речи к активной речевой деятельности.

Тщательное и всестороннее исследование каменных и костяных орудий позволило восстановить их основные функции, наибо-

лее важные стадии, технику и технологию изготовления, а следовательно проследить по этапам развития древних предков эволюцию приемов и методов, а также уровня трудоемкости изготовления орудий, степени сложности необходимых при их изготовлении навыков и т.д. /Семенов С.А., 1957, 1958, 1964, 1968, 1970/

Обнаруженные на стоянках костные останки животных позволяют судить о том, на какого рода животных охотились наши предки, какими могли быть приемы и методы охотнической деятельности, способы разделки добычи и т.д.

Изучение характерных признаков стоянок дают возможность представить количественный состав сообщества наших предков и некоторые стороны их жизнедеятельности. Исходя из данных о палеоклимате, в частности, в связи с периодами резких похолоданий климата, можно судить об основных направлениях миграции, об изменениях в образе жизни.

Рассматривая источники научных данных, на которых базируются наши знания об основных доисторических этапах становления и развития человека и человечества, следует особо остановиться на изучении образа жизни современных шимпанзе и горилл.

«Человек и три крупные человекообразные обезьяны – орангутан, шимпанзе и горилла – являются единственными бесхвостыми приматами и, как большинство приматов, имеют по пять пальцев на каждой руке и ноге, причем большой палец противопоставлен остальным. К общим анатомическим признакам относятся пара молочных желез (сосков), направленные вперед глазницы, что обеспечивает стереоскопичность зрения и, как правило, 32 зуба» /Фосси, 1990, с. 17-18/. Из указанных трех человекообразных обезьян шимпанзе, как показали современные генетические исследования, являются самыми близкими, буквально кровными родственниками человека /Фирсов, 1992, с. 5/. «Их объединяют с человеком, - пишет Д. Гудолл, - многие черты биологического сходства: число и форма хромосом, белки крови и иммунные реакции, структура ДНК. По анатомии мозга шимпанзе стоят ближе к человеку, чем все другие живые существа, а некоторые особенности их со-

циального поведения паразитично напоминают наше собственное поведение» /Гудолл, 1992, с. 11/.

Благодаря исследованиям образа жизни в естественных условиях шимпанзе и горилл, проведенных Джейн Ван Ловик-Гудолл, Д. Шаллер, Джейн Фосси и др., были выявлены многие особенности образа жизни и повадок человекообразных обезьян, позволяющие более ясно представить себе начальные этапы становления и развития животных предков человека.

Так, проведенные в заповеднике Гомбе Стрим (Танзания) Джейн Ван Ловик-Гудолл и другими специалистами исследования образа жизни мигрирующих шимпанзе показали, что это в высшей степени общительные животные, изготавливающие и использующие некоторые примитивные орудия. Они используют прутья для выуживания термитов, палки для того, чтобы разрушать гнезда древесных муравьев и добывать мед, губчатое вещество для сбора воды из дуплистых деревьев. Они могут при помощи камней раскалывать орехи, а будучи взволнованными и проявляя разнообразные эмоции по отношению к хищникам, бросают в них палки и камни /139, с. 59-102 по книге Кларка/. Они способны переносить предметы. При удобных обстоятельствах шимпанзе занимаются охотой на мелких, а иногда и на сравнительно крупных животных /Гудолл, 1992, с. 285-326/. Однако охота и употребление в пищу мяса у шимпанзе наблюдаются редко, и добыча, как правило, поедается тем животным, который сумел убить жертву.

Данный Дж. Кларком перечень источников сведений о древнейших создателях орудий остается в силе и по отношению к значительно более поздним предкам человека. Фактически, вплоть до периода первых погребений (примерно 50 тыс. лет тому назад) /Смирнов, 1991/ и относящихся приблизительно к тому же времени первых памятников древнего искусства характер источников научных данных о наших предках остается неизменным. На всем этом длительном периоде развития не сохранилось никаких непосредственных свидетельств о возникновении у них каких-либо производственных отношений, индивидуального сознания, свободы воли, членораздельной речи и логического мышления.

Признавая несомненную ценность имеющегося у исследователей фактического материала о развитии животных предков человека на протяжении последних примерно 3 млн. лет, следует, однако, отметить, что он весьма беден. Как пишет Ф. Кликс: «Необходимо помнить, что большая отдаленность во времени и скудость находок (часто лишь крышка черепа, челюсть или несколько зубов) затрудняют реконструкцию *всеобъемлющей картины* последовательности процессов развития, которые привели от ранних гоминид, полуживотных-полулюдей, к разумным существам человеческой истории» /Кликс, 1985, с. 34/. Вместе с тем, как отмечает В.П. Алексеев, в популярных книгах, многих учебниках и особенно общих руководствах по истории первобытного общества и первобытной археологии основные проблемы антропогенеза освещаются достаточно догматично. «Я подразумеваю под этим не теоретический догматизм, не слепое следование каким-то традиционным теоретическим канонам и не предвзятое изложение и толкование фактов, - поясняет свою мысль автор, - а уверенность, с которой излагаются зачастую спорные положения. Ископаемые предки человека описываются с такой полнотой, будто авторы видели их много раз живыми и даже исследовали так, как антрополог исследует современное население. Между тем многое в антропогенезе зыбко, факты немногочисленны, как любые палеонтологические факты, или, вернее говоря, недостаточны для уверенной трактовки многих проблем...» /Алексеев, 1984, с. 79-80/.

Здесь возникает важный методологический вопрос: можно ли в принципе, опираясь только на эмпирические данные об ископаемых предках человека, результатах их жизнедеятельности, услови-

ях обитания и т.д., построить теорию происхождения человека и человеческого общества?

Мы считаем, что на основе собранного в современной палеоантропологии фактического материала можно построить более или менее удовлетворительные теории биологического становления человека современного типа. Но если под биологическим видом *Homo sapiens* иметь в виду существо, обладающее человеческим сознанием, то, опираясь только на собранный из всех указанных выше источников научной информации фактический материал, не прибегая к тем или иным априорным, умозрительным гипотезам, невозможно решить проблему возникновения в ходе антропосоциогенеза человеческого сознания и происхождения человека как сознательного существа. Далеко не случайно, что палеоантропологами, как пишет Ю.И. Семенов, «пока не создано ни одной подлинной теории. Все их концепции являются эмпирическими» /Семенов, 2002, с. 14/, т.е. не проникающими в сущность изучаемого явления. «И возможно, - пишет далее Ю.И. Семенов, - что на чисто палеоантропологическом материале теории вообще создать нельзя» /Там же/.

2. Современное состояние проблемы антропо- и социогенеза

Первыми существами, о которых достоверно известно, что они передвигались на задних конечностях, являются австралопитеки (от лат. *australis* – южный и греч. *pithēkos* – обезьяна), жившие в раннем плейстоцене, т.е. около 2-х и более млн. лет назад, и представляющие собой следующую после рамапитеков ступень в эволюции ГОМИНИД⁷.

---

⁷ Как пишет Дж.Д. Кларк: «Было высказано предположение, что предок человека, живший в позднем миоцене – плиоцене (т.е. порядка 4 – 10 млн. лет назад. – И.Х.) (рамапитек), мог уже спуститься с дерева и передвигаться при помощи опоры на руки, подобно

В настоящее время накоплен большой археологический и палеоантропологический материал, характеризующий морфологическую структуру и образ жизни австралопитеков. Останки австралопитеков и следы их деятельности были обнаружены в 30-е годы в результате исследований известковых пещер в Южной Африке (отсюда название австралопитеков – «южные обезьяны»). Позднее стоянки австралопитеков были найдены и в Восточной Африке. Первооткрывателями австралопитеков, внесшими большой вклад в их изучение, явились Раймон Дарт и Луис Лики. Благодаря неутомимой деятельности этих исследователей, отмечает Дж. Д. Кларк, «мы обладаем столь значительным материалом; собственно говоря, никакой другой ископаемый гоминид не изучен так хорошо, как австралопитеки» /Кларк, 1977, с. 48/. Согласно современным представлениям, уже для живших порядка 2 – 3,5 млн. лет тому назад австралопитеков африканских была характерна не только достаточно развитая орудийная деятельность, но и определенное, пусть пока еще и не систематическое, приспособление естественных природных предметов (например, костей) к использованию в качестве орудий.

Раймонд Дарт тщательно изучил орудийную деятельность австралопитеков и уделил большое внимание доказательству того, что они при помощи орудий охотились на крупных животных. Исходя из того факта, что среди костей животных, извлеченных из

современным африканским человекообразным обезьянам, и так же, как они, рамапитек избежал вымирания, которому подверглись более мелкие человекообразные обезьяны в миоцене. Это оказалось возможным в результате жесткой конкурентной борьбы за существование, в которой рамапитек победил благодаря большему весу и приспособленности к жизни на земле в сочетании с *использованием орудий труда*. «Восточноафриканская разновидность рамапитека – рамапитек (кениапитек) викери, останки которого были обнаружены ... к востоку от озера Виктория <...>, возможно, изготавливал и употреблял примитивные орудия. Сделанные здесь находки предположительно свидетельствуют об изготовлении орудий из кости путем ее расщепления. Так, рядом с раздробленной длинной костью был обнаружен кусок лавы, края которого показывают, что им и разбивали кости» /Кларк., 1977, с. 45, 46/. (Подчеркнуто нами. – И.Х.)

пещер, в которых были найдены останки австралопитеков, не все кости представлены пропорционально (одни имелись в большом количестве, а другие почти или совсем отсутствовали), Р. Дарт сделал вывод, что австралопитеки использовали определенные части скелетов животных в качестве орудий. При этом, согласно Р. Дарту, они не ограничивались отбором костей, пригодных для выполнения тех или иных функций, а раскалывали кости и изготавливали тем самым новые орудия. В результате, считал Р. Дарт, австралопитеки располагали целым набором специализированных орудий. Так, большие кости конечностей копытных животных они использовали как дубинки и молоты, рога и расколотые длинные кости – как колющие орудия, а в качестве сосудов применяли рога и черепные коробки. На основе своих исследований Р. Дарт говорил об остеодонтокератической (костезубороговой) культуре австралопитеков /Dart, 1957/.

В дальнейшем, однако, было выяснено, что данные, которыми располагал Р. Дарт, не позволяли ему делать столь далеко идущие выводы. Вместе с тем, характеризуя современные представления об орудийной деятельности австралопитеков, Ю.И. Семенов заключает, что хотя нет оснований говорить о наличии у австралопитеков богатого арсенала костяных орудий и об их изготовлении, тем не менее «использование ими тех или иных костей животных в качестве орудий вряд ли может быть поставлено под сомнение» /Семенов, 1964, с. 62/.

До открытия хабилисов предполагалось, что потомками австралопитеков были питекантропы, от которых произошли неандертальцы, давшие начало кроманьонцам, являющимися людьми современного типа. Считалось, что в этой генеалогической линии человека формирующимися людьми являются неандертальцы, жившие в период от 500 до 100 тыс. лет тому назад, тогда как питекантропы – это еще животные. Однако открытие хабилисов резко расширило временные границы существ, изготавливавших и использовавших каменные орудия, а следовательно, по логике многих исследователей, обладавших сознанием предков человека. Упрощенная интерпретация тезиса о роли труда в возникновении сознания вела к сомнительным выводам о том, что жившие 2 – 2,5 млн. лет тому назад изготовители каменных орудий уже обладали сознанием.

Здесь остро встал вопрос о том, какую роль в возникновении сознания играет становление человеческого общества, поскольку стало достаточно очевидным, что изготовление орудий само по себе еще не ведет к возникновению сознания: изготовление орудий может протекать как инстинктивная жизнедеятельность животных. Поэтому особую актуальность приобрело формирование единой теории антропосоциогенеза, способной раскрыть механизмы формирования индивидуального сознания и структурной организации человеческого общества.

Попытку создать такую теорию предпринял Ю.И. Семенов (см.: /Семенов Ю.И., 1966/). Автор собрал и проанализировал огромный фактический материал, накопленный в палеоантропологии, этнографии, зоопсихологии, истории и других гуманитарных науках, и рассмотрел разные аспекты формирования человеческого общества и становления человеческого сознания. Теория Ю.И. Семенова – это, несомненно, важный рубеж в истории разработки теории происхождения человека и человеческого общества и дает, по крайней мере, в первом приближении ответы на многие вопросы антропосоциогенеза.

Мы не будем детально анализировать теорию антропосоциогенеза Ю.И. Семенова. Нас интересует ключевая гипотеза Ю.И. Семенова, интегрирующая процессы антропогенеза и социогенеза в единый процесс антропосоциогенеза, согласно которой на определенном этапе развития наших животных предков серьезным тормозом на пути дальнейшего прогресса стала господствовавшая в их сообществах система доминирования наиболее сильных и агрессивных особей и возникла необходимость ликвидации такой системы, что

потребовало возникновения у наших предков индивидуального сознания. Такой вывод о необходимости упразднения системы доминирования основан на представлении, что система доминирования (лидерства) в сообществах животных предков человека, уже изготавливавших и использовавших каменные орудия, опиралась на грубую физическую силу и агрессивность доминирующих особей, причем зоологический индивидуализм доминирующих животных вел к тому, что они безраздельно захватывали самок и добытое на охоте мясо и таким образом имели преимущества перед остальными членами сообщества в продолжении рода и удовлетворении потребностей в пище. В результате способные производить орудия интеллектуально более развитые особи, не отличавшиеся, как правило, силой и агрессивностью, оказывались в худших условиях, что вело к деградации сообщества. Обуздать зоологический индивидуализм сильных и агрессивных доминирующих особей сообщество могло, согласно Ю.И. Семенову, только совместными усилиями, а для этого оно должно было осознать пагубность создавшейся ситуации, понять необходимость установления коллективной собственности на мясо, совместными волевыми действиями ликвидировать власть доминирующих особей и, по-видимому, установить демократические формы организации сообщества, ибо ведущее достаточно сложный образ жизни и вынужденное охотиться на крупных и опасных животных сообщество не может существовать без организации управления.

Такая реорганизация сообщества животных предков человека, считает Ю.И. Семенов, не могла бы произойти, если бы члены сообщества не обладали логическим мышлением, а следовательно,

языком, членораздельной речью и свободой воли. Опираясь на данные археологии, палеоантропологии и других наук, Ю.И. Семенов полагает, что переход от хабилисов, еще не обладавших сознанием, к эоархантропам – первым людям, уже наделенным языком, логическим мышлением, свободой воли и в целом сознанием, произошел порядка 1,7 – 1 млн. лет тому назад⁸.

Однако подобные представления вызывают серьезные возражения.

Во-первых, доминирование среди животных, которое Ю.И. Семенов целиком сводит только к грубому силовому подавлению одних животных другими с целью получения возможности одним животным (доминирующим) более полно удовлетворять свои биологические потребности за счет других (доминируемых) животных, даже среди современных млекопитающих-хищников, и тем более человекообразных обезьян, выполняет гораздо более сложные функции и достигается за счет многих и, в том числе, интеллектуальных способностей. Доминирующий в стаде (или стае) вожак – это не просто самое сильное и самое агрессивное животное, всегда старающееся за счет других членов стада удовлетворять свои потребности в пище, продолжении рода и т.д., но это еще и лидер, обладающий, как правило, наиболее развитой интуицией и способный вывести стадо из различного рода затруднительных положений⁹.

---

⁸ Как пишет Ю.И. Семенов, «переход к эоархеолиту и соответственно от хабилисов (т.е. животных. – И.Х.) к эоархантропам (т.е. самым ранним людям. – И.Х.) следует отнести ко времени около 1,6 млн. лет. О времени завершения эоархеолита ничего определенного сказать нельзя. Если исходить из приведенных выше данных, то его скорее всего следовало бы отнести ко времени не раньше 1,5 млн. лет и во всяком случае не позднее 1 млн. лет» /Семенов Ю.И., 1966, с. 162/. Во втором издании книги Ю.И. Семенов заменил оценки времени рассматриваемого перехода в годах на указания имеющих определенные временные диапазоны археологических эпох и тем самым несколько завуалировал представление о столь раннем возникновении индивидуального сознания.

⁹ Дж. Шаллер, описывая структуру стада горилл, пишет: «...Если в стаде... находится больше одного самца с серебристой спиной (т.е. половозрелого возраста. – И.Х.), всегда

Эти проявляющиеся в стадах и стаях современных млекопитающих, в частности, антропоидов, в зачаточном виде «организаторские функции» доминирующих животных в условиях совместной охоты «предлюдей» на достаточно крупных животных несомненно должны были играть весьма важную роль.

Если учесть, что уже «ранние предлюди», т.е. австралопитеки африканские и хабисы, не просто набрасывались на добычу и поедали ее, отталкивая друг друга, а были вынуждены, в силу отсутствия острых клыком и когтей, с помощью каменных орудий распаривать, снимать шкуру и добираться до мяса, что вряд ли происходило как хаотическая, абсолютно несогласованная деятельность большой группы животных, то правомерно предположить, что уже на этом этапе развития доминирующие животные в стаде должны были выполнять значительно более важные организаторские функции, чем это мы имеем в стадах современных животных.

Во-вторых, упразднение доминирования предполагает учреждение новых, демократических, а следовательно гораздо более сложных форм организации совместной жизни и деятельности, чем естественно возникающее в сообществе животных лидерство, ибо без организации и управления совместной жизнедеятельностью была бы невозможна успешная охота на крупных зверей, защита от опасных хищников и т.д. Однако весьма сомнительно, чтобы животные предки человека, у которых еще только формируются зачатки сознания, могли перейти к демократическим формам организации своего сообщества.

В-третьих, весьма неправдоподобно, что стимулом к зарождению сознания явилась необходимость осознания таких сложных идей, как идея коллективной собственности на мясо.

существует отчетливо выраженный «табель о рангах». Власть может, например, выражаться в требовании уступить дорогу на узком пути или в том, что животное, низшее по рангу, изгоняют с насиженного места. Вразрез с общепринятым мнением иерархия не вызывает раздоров и распрей, а наоборот, поддерживает мир в группе, т.к. она отводит каждому члену определенное положение: каждое животное точно знает, какое место оно занимает по отношению к любому другому животному» /Шаллер, 1968, с. 127/.

В-четвертых, упразднение доминирования, введение коллективной собственности на мясо и установление «коммуналистических» отношений в сообществе предков человека, требующие, согласно Ю.И. Семенову, возникновения сознания, языка, логического мышления и свободы воли, произошли, по теории Ю.И. Семенова, порядка 1,5 – 1 млн. лет тому назад. Но здесь возникает вопрос: почему человек, уже 1,5 – 1 млн. лет тому назад обладавший столь высоко развитым сознанием, вплоть до последних 10-15 тыс. лет не проявлял признаков сколь-либо заметного интеллектуального развития и лишь на протяжении нескольких тысячелетий вдруг ускоренно (по экспоненте) начал интеллектуально развиваться, что привело на протяжении последних столетий к бурному научно-техническому прогрессу?

Основной недостаток теории Ю.И. Семенова мы видим в том, что положенная в ее основу гипотеза о роли в становлении человечества трансформации системы лидерства не имеет под собой достаточно серьезной научной базы. Исходные принципы теории антропосоциогенеза должны, на наш взгляд, органично вытекать из принципов и закономерностей эволюции живой материи.

Поскольку процесс превращения наших животных предков в обладающих сознанием людей, а их сообществ в человеческое общество протекал сотни тысяч (или даже 1,5 – 2 млн.) лет тому назад, то исходные принципы подобной теории могут быть выведены из таких эмпирических данных, которые, не будучи непосредственными фактами самих процессов становления Человека и человеческого общества, тем не менее свидетельствовали бы о специфических закономерностях антропосоциогенеза.

Именно такие косвенные эмпирические данные можно получить, если опираться на открытый Ф. Мюллером (1864) и сформулированный Э. Геккелем (1866) «биогенетический закон»¹⁰, согласно которому онтогенез всякого организма есть краткое и сжатое повторение филогенеза данного биологического вида. Применительно к животным этот закон распространяется в основном только на эмбриональный период их онтогенеза, поскольку появившийся на свет детеныш животного уже почти готов к самостоятельной жизни. Ему необходимо только физически окрепнуть и активировать некоторые генетически заложенные в нем программы жизнедеятельности (возможно, модифицировав их применительно к конкретным условиям), такие, как программы полета у птиц, программы стадного образа жизни у млекопитающих и т.п.

У человека онтогенетическое становление не ограничивается периодом эмбрионального развития. Новорожденное человеческое дитя – это еще не представитель биологического вида *Homo sapiens*. Для того чтобы стать Человеком, новорожденному ребенку необходимо продолжить биогенетическое развитие, в ходе которого формируется не столько человеческая конституция тела (она уже в целом сформировалась), сколько головной мозг, который в момент рождения весит 340-400 граммов и имеет весьма примитивную структуру. По массе и структуре мозг новорожденного ребенка стоит ближе к мозгу австралопитека, чем к человеческому мозгу¹¹. Головной мозг развивающегося ребенка как по массе, так и по структуре и выполняемым функциям становится полностью идентичным мозгу взрослого, нормально развитого человека лишь к годам со-

¹⁰ См.: /Мюллер, Геккель, 1940/.

¹¹ Масса головного мозга, составляющая у новорожденного 340-400 г., увеличивается с возрастом и достигает у взрослого примерно 1400 г. /Хрипкина, 1978, с. 70-74/.

вершеннолетия. В онтогенезе современного человека можно выделить, таким образом, два периода биогенетического развития, а именно: период эмбрионального развития, когда действует «биогенетический закон» в чистом виде, и период постнатального развития, когда весьма важным, принципиально необходимым фактором, без которого новорожденное человеческое дитя не может стать полноценным человеком, становится процесс социализации.

Если теперь учесть, что австралопитеки – это исторически первые животные предки человека, полностью освоившие прямохождение, у которых соответственно сформировалась конституция тела, почти идентичная конституции тела человека, а мозг по массе и, видимо, по структуре сходен с мозгом современных новорожденных детей, то можно предположить, что постнатальный период онтогенеза современного человека повторяет в основных чертах этап филогенеза биологического вида *Homo sapiens*, охватывающий период от австралопитеков до первых обладающих индивидуальным сознанием людей, каковыми являются люди первых человеческих цивилизаций, зародившихся 10-15 тыс. лет тому назад¹².

¹² На австралопитеков, освоивших прямохождение, но еще полностью являющихся животными предками человека, мы указываем чисто условно. Такими животными предками человека могут оказаться более поздние виды гоминид. Для нас важно подчеркнуть, что в истории формирования Человека и человеческого общества имелся весьма длительный период становления сознания, представлявший собой единый процесс антропосоциогенеза, в котором биогенетический аспект сводился в основном к формированию человеческого мозга и к закреплению в его структурах и процессах социально детерминированных программ поведения и жизнедеятельности. Поэтому в принципе для наших целей была бы достаточна предложенная в свое время Э. Майером предельно простая классификационная схема, в которой различались всего лишь два вида ископаемых гоминид, а именно *Homo erectus* и *Homo sapiens* /Mayer, 1951/. Правда, согласно этой схеме, вид *Homo sapiens* включал в свой состав неандертальцев и современного человека, и поэтому *Homo sapiens*, в свою очередь, разделялся на *Homo sapiens neandertalis* и *Homo sapiens sapiens*. С нашей точки зрения, Человек разумный (или *Homo sapiens*) – это современный человек, возникший на заре становления первых человеческих цивилизаций по завершении в целом активной фазы антропосоциогенеза, а все промежуточные между животными предками человека и Человеком современного типа (т.е. *Homo sapiens*) виды гоминид можно было бы рассматривать как единый вид, например как *Homo erectus*. По мере выявления закономерностей становления человеческого сознания в едином процессе антропо-

Учитывая сказанное, резонно полагать, что развитие ребенка от рождения до совершеннолетия в общих чертах повторяет формирование сознания у биологического вида *Homo sapiens*. Поэтому можно надеяться, что если мы сумеем выявить принципиально важные особенности и закономерности становления сознания у современных детей, то удастся установить и наиболее важные закономерности формирования сознания в ходе филогенеза *Homo sapiens*¹³.

социогенеза, видимо, появится потребность и возможность периодизации этого процесса и с учетом результатов изучения костных останков гоминид периода антропосоциогенеза можно будет выделить разные полуживотные виды гоминид.

¹³ Мысль о том, что человек в своем индивидуальном развитии в сжатой форме проходит основные этапы становления человечества, высказывалась и ранее. В своеобразной объективно-идеалистической форме эта мысль развивалась еще Гегелем. Ф. Энгельс вполне справедливо назвал «Феноменологию духа» «параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, отображением индивидуального сознания на разных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием» /Энгельс, 1961, с. 278/. После открытия «биогенетического закона» имелись попытки распространить его на период внеутробного развития детей и представить развитие ребенка как последовательное повторение в свернутом виде всех этапов культурно-исторического развития человечества, начиная от дикаря до современного культурного человека, проходя через традиционно утвердившиеся стадии: охотника, пастуха, земледельца и торгово-промышленника. Вполне справедливо критикуя подобные взгляды, К.Н. Корнилов писал, что на основе подобных представлений «людьми умозрительного типа дается целый ряд принципов чисто практического характера. Рекомендуют смотреть на малого ребенка как на дикаря и язычника, заставляют пережить ребенка своего рода «робинзонаду», пройдя последовательно через все стадии, которые пережило человечество в области, например, эстетической, религиозной и т.п., считая подобного рода воспитательные приемы наиболее отвечающими природе ребенка» /Корнилов, 1922/. Неправомомерность подобных попыток провести параллель между онтогенетическим развитием ребенка и филогенезом человека как биосоциального существа связана с тем, что периоду становления сознания у индивида соответствует не период исторического развития человечества, а период доисторического становления сознания у наших животных и полуживотных предков. Итогом подобных неудачных попыток провести параллель между онтогенезом индивида и филогенезом биологического вида *Homo sapiens* является сохраняющееся по сей день негативное отношение к мысли о том, что биогенетический закон справедлив не только для эмбрионального, но и для постнатального развития ребенка (см., например: /Ломов, 1984, с. 362-365/).

В настоящее время имеется интересная попытка распространить биогенетический закон на современный этап развития человеческого общества. Предполагается, что ближайшие столетия – это этап качественного обновления, «второго рождения» человечества, на котором в соответствии с биогенетическим законом воспроизведутся некоторые черты последних охватывающих несколько тысячелетий этапов антропосоциогенеза (См.: /Оконская, 2004/).

3. Возникновение субъективного пространства и субъективного времени – необходимое условие становления и развития полноценного человеческого сознания

В современной психологии разные этапы формирования из новорожденного ребенка взрослого человека изучены с различной степенью глубины. Как пишет Т. Бауэр /Бауэр, 1979/, психология на протяжении большей части своей истории занималась изучением происхождения и развития знаний и умений человека. При этом ранние философы-психологи, будучи более философами, чем психологами, не утруждали себя конкретным изучением процессов развития человека, предпочитая строить предположения о том, что новорожденный ребенок что-то знает, а чего-то не знает или вообще ничего не знает. Потом они старались правдоподобно превратить выдуманного ими младенца во взрослого человека. «Даже после того, как психология стала экспериментальной наукой, изучение развития оставалось в течение многих лет неэкспериментальным, это в особенности относилось к изучению развития младенцев. Более того, большинство ранних методик психологических исследований основывалось главным образом на словесном отчете испытуемого» /Там же, с. 13/. Это привело к тому, что из всех этапов становления и развития человека в наибольшей степени не повезло первым 2-3-м годам жизни ребенка. «Методы, необходимые для изучения бессловесных человеческих существ – младенцев, были разработаны в достаточной степени за последние 15 лет, так что мы лишь сейчас начинаем получать ответы на вопросы, завещанные нам столетия назад» /Там же/.

Если учесть, что наиболее интенсивный рост и серьезные качественные изменения мозга происходят в первые три года жизни ребенка (см.: /Хрипкова, 1978, с. 70-74/), то можно предположить, что большую часть пути от австралопитеков до современных людей ребенок преодолевает именно в первые три года жизни¹⁴. Поэтому вполне естественно, что многие особенности и закономерности формирования сознания у современных детей, на которые мы можем сегодня указать, остаются в значительной степени гипотетическими и требуют своего фактического подтверждения на материале экспериментального изучения постнатального развития детей.

Ряд положений о закономерностях формирования сознания у детей можно вывести из результатов проведенного нами анализа сущности и функций субъективного пространства и субъективного времени.

Исследования показывают, что ребенок начинает воспринимать окружающую объективно-реальную действительность с самых первых мгновений его появления на свет, причем тот факт, что мозг

---

¹⁴ Исследования процессов становления сознания у детей в связи с формированием у них современного типа дифференциации полушарий головного мозга, а следовательно и в связи с биогенетическим формированием мозга современных людей, приводит исследователей к выводу о том, что «ранние ступени филогенеза во многом похожи на ранние этапы онтогенеза. В онтогенезе рекапитулируют (воспроизводятся) лишь отдельные признаки и процессы, присущие филогенетически пройденным ступеням. Однако уже краткое повторение в онтогенезе (преимущественно на его ранних стадиях) особенностей филогенеза позволяет использовать результаты, полученные при анализе детской когнитивности, для их распространения на родоисторический процесс, взятый в его наиболее схематическом виде» /Режабек, 2003, с. 64/. Е.Я. Режабек считает, что «недоструктурированная способность к приему и переработке информации в равной мере отличает ранние ступени онтогенеза и филогенеза» /Там же/. Когнитивность и ребенка, и первобытного человека «... подчиняются одним и тем же законам: и та, и другая опираются на одинаковую анатомо-физиологическую предпосылку – неразвитость левой гемисферы мозга, обслуживающей дискурсивное, логико-вербальное мышление» /Там же/. Обобщая результаты исследований Жаном Пиаже параллелизма между онтогенезом ребенка и филогенезом человеческого сознания /Piaget, 1974/, Е.Я. Режабек делает вывод о том, что «между онтогенезом и филогенезом человеческого сознания имеет место принципиальная общность, а именно – многоступенчатая эволюция когнитивности в онтогенезе может служить аналогом эволюционных приращений в филогенезе» /Там же/.

новорожденного по массе и структуре соответствует не мозгу взрослого человека, а мозгу животных предков человека, говорит, на наш взгляд, о том, что сразу после рождения и на первых порах постнатального развития младенец воспринимает окружающую среду на уровне психики животных, так, как описал этот процесс Дж. Гибсон¹⁵. В частности, внешний материальный мир воспринимается им как компоновка поверхностей и в его мозгу формируется «план-макет» освоенного «региона» реальной действительности, каковым на самых первых порах для ребенка является грудь матери, мать, затем самое ближайшее окружение: колыбель, коляска, комната, территория двора или парка и т.д.

Можно предположить, что при достижении определенного уровня развития мозга у ребенка возникает пространственно-образное восприятие сначала отдельных предметов, на которых сосредоточено его внимание, затем все более значительных областей окружающей среды. Однако пространство в поле зрения ребенка существует только в жесткой связи с чувственными образами воспринимаемых в данный момент объектов, поэтому возникает и исчезает при открывании и закрывании им глаз. Но постепенно «пространственность» как специфическое качество воспринимаемых предметов начинает формироваться в некоторый относительно самостоятельный пространственный фон, на котором выделяются чувственные образы воспринимаемых предметов, и, наконец, этот фон и чувственные образы настолько дифференцируются, что пространство обретает в сознании ребенка самостоятельное существование, способное активироваться и при закрытых глазах и заполняться образами ранее воспринятых или воображаемых предметов.

¹⁵ См.: /Гибсон, 1988; Хасанов, 2004, с. 63-72/.

Отделение пространственного фона от чувственных образов происходит еще до полного овладения речью и поэтому выявить этот момент, опираясь на самоотчеты ребенка, невозможно. Но в тех случаях, когда развитие зрительного восприятия несколько задерживается, у некоторых детей, уже владеющих речью, можно застать период, когда субъективное пространство существует еще только при открытых глазах¹⁶.

Появление у ребенка в возрасте от 1.5 до 3 лет субъективного пространства, быстрое становление членораздельной речи и элементов логического мышления представляют собой процесс формирования первого уровня человеческого сознания, на котором ребенок начинает осознавать окружающий его телесный мир в очень узком диапазоне текущего настоящего времени.

Субъективное пространство как самостоятельный элемент человеческого сознания возникло в результате длительной эволюции отражения в нервно-мозговой системе живых организмов пространственных свойств окружающей их материальной среды. Не исключено, что пространственно-образное восприятие окружающей среды возникает уже у высших млекопитающих, по крайней мере, у человекообразных обезьян. Но оно происходит на уровне психики и составляет только основу так называемого предметного (зрительно-

---

¹⁶ Именно такой случай из собственной практики описывает Т.В. Носова.

В старшей группе детсада Т.В. Носова проводила занятие, целью которого было направить внимание детей на свой внутренний мир. Дети должны были закрыть глаза, расслабиться и представить себе мир, который по мановению волшебной палочки меняет свою окраску и становится то красным, то зеленым, то синим и т.д. Все были увлечены игрой и впоследствии оживленно рассказывали, что они видели. Только один ребенок – Валера – сидел с открытыми глазами и не принимал участия в этом эксперименте. «Валера же просто не находит себя внутри. Он вообще ничего внутри себя не находит» – пишет Т.В. Носова, и следующим образом комментирует подобные случаи: «Дети, у которых не появились элементы реальности сознания, не в состоянии закрыть глаза, потому что для них неестественно, странно, страшно закрывать весь мир (другого ведь мира нет – внутреннего мира)» (Носова, 1997, с. 109/).

го) мышления¹⁷. Пространственно-образное восприятие объективно-реальной действительности становится человеческим, осознанным по мере возникновения членораздельной речи в ходе антропосоциогенеза и становления человека как разумного существа. Об этом свидетельствуют результаты экспериментов с однополушарным восприятием объектов внешнего мира. Как известно, у подавляющего большинства людей существует четкая специализация коры левого полушария головного мозга на выполнение речевых функций, а правого полушария – на образное восприятие внешнего мира. При этом выяснилось, что если сигналы от органов зрения попадают только в правое полушарие, то человек не осознает восприятие предмета, хотя в поведенческих реакциях проявляется факт восприятия человеком этого предмета. И наоборот, если сигнал от органов зрения попадает только в левое – речевое - полушарие, то человек осознает получение сигнала (например, может указать на

---

¹⁷ Исследования предметного (зрительного) мышления животных, фактически, были начаты еще в конце XIX – начале XX столетия. См., например, работы В. Кёлер /Кёлер, 1930/, Н.Н. Ладыгиной-Котс /Ладыгина-Котс, 1923, 1935, 1965/.

В настоящее время благодаря работам как отечественных, так и зарубежных психологов (см. работы: /Арнхейм, 1971; Давыдов, 1972; Запорожец, 1970; Поддъяков, 1973, 1974; Хольт, 1971/ и др.), общепринятым является представление о том, что визуальное мышление присуще не только высшим млекопитающим, и не только детям, но это важный компонент творческого мышления человека. При этом исследователи отмечают, что «план образного мышления является недостаточно управляемым, произвольным, даже у взрослых людей» /Поддъяков, 1974, с. 155/. Результаты зрительного (или образного) мышления проявляются в виде интуитивного озарения, когда человек, например, рассматривая геометрический чертеж, вдруг “непосредственно видит” те дополнительные построения, которые необходимо сделать для того, чтобы решить задачу. Ему при этом кажется, что догадка возникла сама собой и не является результатом мыслительной деятельности. Подобное происходит в силу того, что зрительное мышление - это не логическое мышление, протекающее на уровне сознания, а особая, протекающая на уровне психики автоматическая, т.е. самопроизвольная аналитико-синтетическая деятельность мозга. Однако если у человека результаты этой неосознаваемой деятельности мозга поднимаются затем до уровня сознания, то у животных непосредственно вплетаются в программы рефлекторно-инстинктивной деятельности, усложняя и модифицируя их рефлексы и инстинкты (См.: /Арнхейм, 1971/).

направление воспринятой световой вспышки), хотя и не имеет при этом зрительного образа объекта.

О том, что осознание пространственно-образного восприятия окружающей среды возникает по мере становления членораздельной речи, говорит и тот факт, что у шимпанзе, обученных основам языка амслен или какого-либо другого искусственного языка¹⁸, появляются проблемки сознания¹⁹, о чем свидетельствует использование ими языковых навыков²⁰ при общении с экспериментатором, а также со своими сородичами.

Второй уровень становления сознания связан с формированием субъективного времени.

Процесс становления у ребенка субъективного времени, на наш взгляд, достаточно детально описан в возрастной психологии, однако понимаемый не как становление субъективного времени, а как овладение детьми временными понятиями и представлениями²¹.

---

¹⁸ Исследования супругов Ален и Беатрис Гарднеров /Gardner, Gardner, 1969; 1985/ показали, что детеныша шимпанзе можно научить элементарному общению с помощью американского языка глухонемых амслен (AMSLN – American Sign Language). Выросшая в их семье самка шимпанзе Уошо к 3 годам усвоила 130 знаков этого языка и научилась вполне уместно использовать их, соединяя в «слова» и придуманные ею небольшие предложения, шутить и даже ругаться.

Американский исследователь – Дэвид Примэк /Premack, 1972; 1983; 1994/ обучал шимпанзе Сару некоторому искусственному «языку пластиковых жетонов»: каждый жетон обозначал предмет, действие или понятие. Другой искусственный язык - йеркиш – был использован в экспериментах обучения обезьян Дуайном Рамбо с сотрудниками /Rumbaugh et al., 1973; 1977; 1991/. Йеркиш представлял собой своеобразный компьютеризованный язык: обезьяна должна была нажимать на клавиши с изображением лексиграмм – знаков, обозначающих названия предметов, действий или признаков. При правильном наборе слов во фразе в соответствии с синтаксисом английского языка компьютер «принимал» ответ и выдавал соответствующее подкрепление.

¹⁹ Как отмечают Зорина и Полетаева, способность шимпанзе овладевать различными формами языкового общения с людьми на уровне 2-2.5 летних детей, их самоузнавание и явные признаки того, что они могут в какой-то мере проникать в намерения партнеров, «строить гипотезы о мысленных состояниях других особей» /Зорина, Полетаева, 2001, с. 233/, по-видимому, говорят о наличии у них проблесков сознания.

²⁰ См.: /Fouts, 1975; Fouts et al., 1984; Savage-Rumbaugh, 1984, 1993/.

²¹ Вполне возможно, что овладение временными понятиями и представлениями является необходимым условием формирования у ребенка субъективного времени.

На этом материале мы видим, как возникают первые проблески осознания временной протяженности мира событий, в котором живет ребенок. Первоначально субъективное время охватывает только ближайшие к текущему моменту моменты прошедшего и будущего времени²². При этом формируется наиболее фундаментальный уровень («микроуровень») субъективного времени, получивший в литературе наименование индивидуального времени²³. В этом времени индивидуальное прошлое и индивидуальное будущее определяются относительно непосредственно текущего момента настоящего времени. Ребенок еще не в состоянии осознавать как свое настоящее время более или менее протяженные периоды своей жизни. Он живет в непосредственно текущем моменте, и все, что выходит за его рамки, – это уже или прошлое, или будущее. В частности, в этом, видимо, заключается одна из причин субъективного переживания детьми своего существования как очень длительного процесса. Лишь к концу периода формирования индивидуального времени субъективное настоящее постепенно удлиняется и начинает охватывать текущий день или даже несколько ближайших дней, особенно если в эти дни происходили или должны произойти яркие, захватывающие ребенка события.

Примерно с трех до семи лет ребенок осваивает телесный мир, который, по мере формирования у него субъективного времени, превращается в протяженный во времени «мир событий». Данные возрастной психологии говорят о том, что именно в этот период

---

²² Под **моментом** мы понимаем такой максимальный интервал длительности настоящего времени, в пределах которого все следующие друг за другом и разделенные некоторыми интервалами длительности в объективном физическом времени события воспринимаются человеком как одновременные (одномоментные). Подробнее см.: /Хасанов, 2005, с. 39-40/.

²³ См.: /Брагина, Доброхотова, 1988/.

идет процесс овладения детьми временными представлениями и понятиями. Осознание детьми временных характеристик прошедших, текущих и предстоящих событий протекает очень медленно. Так, если в три года в речи ребенка и появляются слова «сегодня», «завтра», «вчера» и т.д. и хотя они и выражают нечто временное, тем не менее употребляются обычно беспорядочно, постоянно путается их значение /Бюлер, 1924/, и даже в шесть лет дети «не вполне ясно разбираются в значении слов «минута», «час», «неделя», «месяц»» /Бюлер, 1924, с. 65/.

Формирование макроуровня субъективного времени²⁴ происходит в основном на следующем этапе психического развития, примерно, от семи до 13-14 лет. О том, что в этом возрасте формируется протяженное субъективное время, свидетельствуют некоторые особенности поведения подростков. У них появляется способность переживать события как личностно значимые, даже если они уже удалились в прошлое или только предстоят в будущем. Однако подросток еще не в состоянии самостоятельно выявлять жизненно-значимые причинно-следственные связи, существующие между событиями прошедшего, настоящего и будущего времени, и учитывать их в своей повседневной жизни. Кроме того, протяженность субъективного времени подростка еще ограничена рамками сравнительно близких по времени значимых для него прошедших и будущих событий.

Формирование мегауровня субъективного времени происходит на следующем, юношеском этапе развития. На этом этапе фор-

---

²⁴ **Макроуровень** субъективного времени охватывает все те события календарного прошлого и будущего, которые актуальны для человека в данный период его жизни. Отнесение того или иного события к субъективному настоящему, прошлому или будущему зависит от степени его реализованности или потенциальной возможности (Подробнее см.: /Хасанов, 2005/).

мируется способность выявлять и учитывать причинно-следственные связи между событиями прошедшего, настоящего и будущего времени, и к возрасту совершеннолетия субъективное время становится важнейшим атрибутивным свойством сознания. При этом в каждом акте восприятия и познания объективно-реальной действительности субъективное время выступает уже априорной формой чувственного восприятия и понятийного осмысления окружающего объективно-реального мира.

Таким образом, в полной мере осознанной жизнь человека становится только тогда, когда у него сформировалось субъективное время и он обрел способность вести самостоятельный образ жизни. Однако мы не можем отрицать, что дети 3-4-летнего возраста, в достаточной степени овладевшие человеческой речью, уже обладают сознанием. При сравнении их с людьми зрелого возраста речь может идти только об уровне развития сознания и степени его зрелости.

Если обратиться к филогенезу биологического вида *Homo sapiens*, то правомерно предположить, что рассмотренные выше два этапа становления сознания у современных детей, а именно: этап формирования субъективного пространства и этап формирования субъективного времени, - повторяют в общих чертах аналогичные этапы филогенеза Человека. Но если полагать, что дети 3-4-летнего возраста уже обладают сознанием, то будет ли правильным то же самое утверждать о наших древних предках, которые в своей эволюции достигли степени зрелости сознания уровня современных 3-4-летних детей? Такое утверждение, на наш взгляд, неправомерно, поскольку древние предки человека, не обладая способностью **осо-**

знанно выявлять и учитывать причинно-следственные связи, существующие между более или менее удаленными друг от друга во времени событиями, должны были вести в целом животный, рефлекторно-инстинктивный образ жизни.

Кроме того, постнатальное развитие современных детей имеет весьма важную для понимания филогенеза Человека как биологического вида особенность, а именно: сознание у ребенка не возникает автоматически, как результат биогенетического развития его мозга, а требует как непереносимого условия нормальной социальной среды, а также обучающего и воспитывающего воздействия обладающих сознанием взрослых членов общества²⁵. Но если даже на современном уровне развития человечества человеческое дитя не может без взаимодействия с уже обладающими сознанием взрослыми людьми обрести сознание, то какие могут быть сомнения в том, что если изначально в сообществах наших животных предков не было индивидов, обладающих сознанием, то ни одно последующее поколение не имело бы никаких шансов его обрести.

4. Некоторые закономерности становления индивидуального и коллективного сознания

Выйти из этого заколдованного круга можно, на наш взгляд, если предположить, что изначально «сознательная» жизнедеятельность формировалась на уровне сообщества не имевших индивидуального сознания животных предков человека и лишь значительно позже, не у всех сразу и не с одинаковой быстротой начало фор-

---

²⁵ Об этом свидетельствует тот факт, что дети, с раннего возраста оказавшиеся среди животных или с самого рождения содержащиеся в изоляции от людей, не обретали человеческих качеств, а если в таких условиях они росли до 12-13 летнего возраста, то их уже невозможно было перевоспитать и превратить в нормальных людей. (Подробнее см.: / Лангмейер, Матейчек, 1984/).

мироваться индивидуальное сознание. Такое представление об очередности формирования «осознанного» поведения сообщества и индивидуального сознания в ходе антропосоциогенеза требует серьезного пересмотра традиционного подхода к решению проблемы возникновения сознания.

Здесь возникает вопрос: а возможно ли существование таких сообществ, которые состояли бы из не обладающих индивидуальным сознанием живых организмов и тем не менее могли бы вести целеустремленный, достаточно четко организованный и, по крайней мере, по внешним признакам, разумный образ жизни? Положительный ответ на этот вопрос вполне очевиден, стоит только вспомнить о так называемых социальных насекомых.

В настоящее время широко известно, что муравьи, термиты и другие социальные насекомые ведут столь сложный образ жизни, что у некоторых исследователей возникает представление о том, что жизнь этих насекомых вполне осознанна, но субъектом сознания является не отдельное насекомое, а все сообщество в целом. На этом основании то направление эволюции, которое привело к возникновению сообществ социальных насекомых, обычно игнорируется при исследовании проблем антропосоциогенеза²⁶. Вместе с тем

---

²⁶ Так, например, Ю.И. Семенов рассматривает такие объединения живых организмов, как муравейники, рои пчел и т.п., как единые целостные сверхорганизмы, в которых отдельные индивиды не являются полноценными биологическими организмами, способными выполнять все функции живого организма, а представляют собой как бы органы или частицы тех или иных органов этого составного организма и считает возможным использовать при решении проблем антропосоциогенеза лишь понятие группового отбора. Исследователям было ясно, пишет Ю.И. Семенов, что подобные сверхорганизмы, в которых отдельные особи не являются полноценными биологическими организмами и не способны самостоятельно существовать, не могут возникать в результате обычного естественного отбора. "Именно с этим и связано предположение о существовании группового отбора, отбора прежде всего групп индивидов и только тем самым - самих индивидов. Группами, которые в процессе эволюции превратились в сверхорганизмы, могли быть только объединения животных, но не популяции или какие-либо другие группировки. Поэтому в отличие от других возможных видов группового отбора этот отбор можно было бы назвать гregarным" /Семенов, 1989, с.109/.

накопленный огромный фактический материал об образе жизни социальных насекомых свидетельствует не столько о различиях между образом жизни социальных насекомых и позвоночных млекопитающих, сколько об их сходстве и однотипности²⁷.

Но если в поведении и образе жизни социальных перепончатокрылых и позвоночных млекопитающих много общего, то возникает вопрос: что же обеспечило социальным насекомым достиже-

---

²⁷ Эти данные очень концентрированно изложены в обзоре исследований мирмикологов, содержащемся в книге Ж.И. Резникова /Резникова, 1983/.

Как пишет Ж.И. Резникова, имеется много черт конвергентного сходства сложных форм поведения общественных перепончатокрылых и позвоночных животных. Так, для муравьев большое значение приобретает обучение, в том числе и основанное на подражании, поскольку срок жизни одной особи достигает у некоторых видов 7 лет /Otto, 1962/, а в среднем продолжительность жизни рабочих особей 1.5 - 2 года /Haskins, Haskins, 1980/, т.е. больше, чем у многих видов грызунов. Считается доказанным наличие у муравьев сигнальной преемственности /Захаров, 1974/. В эксперименте удалось выработать у них сложные инструментальные условные рефлексы /Rechsteiner, 1968, 1971/.

У муравьев экспериментально выявлен феномен, «равнозначный феномену импринтинга у позвоночных: способность отличать свои куколки от чужих и проявление заботы о потомстве у муравьев появляются в течение первых 15 дней жизни, а по истечении данного критического периода приобрести эту способность он уже не может. Если в эксперименте молодые рабочие ухаживали за куколками чужого вида, то в дальнейшем они относились к своим куколкам как к чужим» /Jaisson, 1975; Fresnean, Jaisson, 1975; Le Mole, Passetti, 1971, 1977/.

Описано поведение муравьев, аналогичное использованию орудий у позвоночных животных. В эксперименте Феллерсов /Fellers, Fellers, 1976/ возле гнезд нескольких видов рода *Arphaenogaster* выкладывали пищу в виде желе. Муравьи, обнаружив приманку, возвращались с кусочками листьев, помещали их на приманку и уходили за новыми. В течение 30-60 мин. они перекладывали кусочки по приманке, а когда листья покрывались желе, уносили их в гнездо и там слизывали или соскребали пищу. Они применяли для этой цели также кусочки сухой грязи, хвои и древесины» /Резникова, 1983, с. 4/.

При всей специфичности много общего у муравьев с позвоночными животными и в характере взаимоотношений между индивидами. Так, отношения муравьев на кормовом участке, как показал А.А. Захаров /1977/, строятся с помощью доминирования-подчинения. «По мнению известного американского мирмиколога Б. Хольдаблера /Hölldabler, 1979/, сложность территориального поведения муравьев превосходит все, что нам известно о территориальном поведении животных. В частности, муравьи-портные р. *Oecophylla* метят границы своей территории подобно многим млекопитающим, а медовые муравьи *Murgmecosystus*, встретив чужаков, совершают ритуальные движения и могут подолгу стоять попарно в угрожающих позах /Hölldabler, Wilson, 1977; Hölldabler, 1976/» /Резникова, 1983, с. 5/. Имеются сведения о ритуализированных действиях муравьев, удивительно напоминающих поведение млекопитающих. Так, «при встрече с более сильным партнером из чужой семьи муравей предлагает ему пищу, что оказывает на противника умиротворяющее действие /Bhatkar, 1977/. Выяснение иерархического ранга особи в группе часто сопровождается своеобразными турнирами, когда фуражиры пытаются унести друг друга в гнездо, несмотря на обоюдное сопротивление» /Резникова, 1983, с. 5; Захаров, 1981/.

ние такой степени социального развития, которая для позвоночных млекопитающих кажется недостижимой?

Принципиально важным фактором в развитии социальных насекомых явилось, на наш взгляд, формирование такого образа жизни, при котором большое число родственно связанных индивидов проживало в едином гнезде, постоянно контактируя друг с другом, что привело, с одной стороны, к формированию и развитию разнообразных систем сигналов («языков общения»), а с другой – к развитию таких социальных и социально-психологических механизмов регулирования совместной жизни и деятельности, как лидерство, подражание, заразительность и др.

Несмотря на то, что изучение «языков общения» у насекомых крайне сложно, тем не менее в настоящее время достигнуты большие успехи в исследовании «языкового взаимодействия» насекомых. Так, например, установлено, что у муравьев существует несколько сигнальных систем («языков»), которые в совокупности обеспечивают самые сложные формы взаимодействия индивидов в сообществе и регулирование их совместной жизнедеятельности²⁸.

---

²⁸ Одним из таких языков является язык химических сигналов, который длительное время считался главным языком общения муравьев (См.: /Уилсон, 1963, 1964/). «Однако, - пишет П. Мариковский, - химические сигналы - это только один способ объяснения муравьев с их товарищами по муравейнику. В целом же “речь” этих насекомых, способы общения весьма многообразны. Мало того, употребление “феромонов” не столь уж распространено. Для универсального их применения пришлось бы, пожалуй, иметь слишком большой набор желез, выделяющих пахучие вещества. Поэтому язык химических сигналов весьма ограничен и без сомнения далеко уступает другим способам общения» /Мариковский, 1965, с. 55/.

Однако у языка химических сигналов имеется одно очень важное достоинство, которое, видимо, и используется при включении его в систему языков общения и взаимовлияния муравьев. Оно состоит в том, что язык химических сигналов - дистантный, действующий без необходимости видеть источник сигнала. Благодаря этому свойству достаточно появиться в муравейнике запаху какого-то феромона, как весь муравейник может прийти в специфическое, соответствующее сигналу состояние.

Другим языком общения у муравьев является язык визуально воспринимаемых жестов и поз. П. Мариковский, изучавший муравьиный язык жестов и поз и давший описание 14 сигналов жестов красногрудого древоотца /Мариковский, 1958/, отмечает, что язык жестов у муравьев, видимо, очень богат, но выделять и расшифровывать сигналы

Пример социальных насекомых наглядно демонстрирует, каких результатов целесообразного поведения и деятельности могут достигать явно лишенные индивидуального сознания живые организмы за счет интеграции в сообщества с развитыми информационными системами.

Существует множество ярких описаний целенаправленной деятельности социальных насекомых. В качестве примера можно указать на работу известного французского энтомолога Реми Шовена / Шовен, 1965/.

Завершая описание образа жизни муравьев, Р. Шовен пишет, что они "переплели в одно целое все крошечные индивидуальные мозги" и создали таким образом своего рода "сверхмозг" единого "сверхорганизма". "Так создалась основа для головокружительного

этого языка весьма трудно /Мариковский, 1965/. Как известно, муравьи достаточно хорошо видят на расстоянии 5-10 см. /Мариковский, 1958, с. 561/. Поэтому визуальный язык жестов является дистантным языком, видимо, с довольно значительным для муравьев расстоянием коммуникации.

И, наконец, так называемый "антеннальный код" представляет собой систему сигналов, передаваемых путем постукивания муравьями друг друга своими усиками-антеннами. У муравьев, большую часть своей жизни находящихся в темных лабиринтах своих жилищ и в тесном соприкосновении друг с другом, "антеннальный код", несомненно, должен играть важную роль. И действительно, исследования последних десятилетий привели к выводу, что при помощи "антеннального кода" муравьи могут решать задачу дистантного наведения /Забелин, 1979/.

Принципиально по-новому к изучению системы коммуникации муравьев подошли Ж.И. Резникова и Б.Я. Рябко, которые считают, что «главные трудности в изучении "языка" животных - методологические: усилия большинства исследователей были направлены на прямую расшифровку сигналов - на выявление "букв" и "слов". При таком подходе чаще всего остается непонятным, какие звуки и жесты имеют отношение к языку, а какие - нет, а также добавляются технические трудности, связанные с высокой подвижностью животных, сложностью проведения наблюдений и часто с недоступностью сигналов для фиксации» /Резникова, Рябко, 1990, с. 602/. Вместо такого подхода Ж.И. Резникова и Б.Я. Рябко использовали подход, основанный на теории информации. Они создавали такие экспериментальные условия, при которых муравьи для достижения цели должны были передавать друг другу дозированные экспериментаторами объемы информации. Это обеспечивалось при помощи лабиринта "бинарное дерево", для ориентации в котором муравьев-фуражиров муравей-разведчик должен был сообщить информацию о поворотах на пути к источнику питания.

Обобщая полученные результаты, Ж.И. Резникова и Б.Я. Рябко пишут, что у муравьев существует «развитое языковое поведение» и что «потенциальный набор различных сообщений, которые муравьи могут передавать друг другу, довольно велик» /с. 608/.

взлета: возникло земледелие, скотоводство, сбор и запасание продовольствия, возникли войны и рабство.

А затем все остановилось. В чем дело? Ведь, казалось бы, оставалось сделать лишь один шаг. Но насекомые продолжают стоять на месте" /Там же, с.21/. И следует заметить, что они стоят на достигнутом уровне уже более 40 млн. лет.

Можно согласиться с Реми Шовеном в том, что развитие здесь действительно подвело насекомых к "следующему шагу", т.е. к возникновению сознания. Но сделать этот шаг насекомые не сумели в силу чрезвычайно малых размеров и примитивности мозга, ибо сознание - это сугубо индивидуальное явление. При всей кажущейся "разумности" поведения и деятельности насекомых, - это всего лишь рефлекторная, автоматическая жизнедеятельность не обладающих сознанием живых организмов. Но вместе с тем высокий уровень интеграции и наличие развитой регулирующей деятельности сообщества **наиндивидуальной информационной системы** являются, на наш взгляд, необходимой ступенью на пути к возникновению сознания и осознанного образа жизни. Пример "социальных насекомых" показывает, что в принципе разумные существа не обязательно должны походить на людей. Будь земные насекомые достаточно больших размеров и обладай они достаточным объемом мозга, эволюция, возможно, пошла бы не в направлении деформации их биологической природы и консервации развития на уровне достигнутой высокой степени интеграции, а в направлении формирования индивидуального сознания и превращения их в разумных существ. И поэтому действительно, "кто знает, не пошло ли все по иному пути на других планетах" /Там же, с.21/.

Однако могли ли в процессе эволюции животных предков человека появиться такие компактные сообщества, в которых сформировалась бы развитая на индивидуальную информационная система, способная обеспечить «сознательный» образ жизни всего сообщества в целом при отсутствии индивидуального сознания у входящих в него индивидов?

О принципиальной возможности возникновения таких сообществ свидетельствуют результаты изучения различных форм объединения животных, а также проведенные Ловик Гудолл, Д. Шаллером, Д. Фосси и другими учеными исследования образа жизни шимпанзе и горилл в естественных условиях²⁹.

Исследования показали, что форма объединения животных, и, в том числе, гоминид, зависит в основном от условий их жизни, причем жизнь на открытой местности ведет к более высокой сплоченности стада. Вполне естественно предположить, что для противостояния многочисленным опасным хищникам саванн стада антропоидов, давшие начало человеческой ветви развития, должны были быть достаточно большими. И действительно, археологические данные о стоянках "предлюдей" говорят о том, что их стада включали по 30-40 особей и отличались высокой компактностью. При этом встречающиеся стоянки небольших групп - в 3-4 животных - рассматриваются как стоянки временно отделившихся от основного стада групп. В тех случаях, когда возникали благоприятные условия для длительного существования устойчивых сообществ, в них могли формироваться такие социальные и социально-психологические механизмы, которые сохраняли их компактность и

---

²⁹ См.: /Гудолл, 1992; Фосси, 1990; Шаллер, 1968/.

тогда, когда первоначальные причины сплочения стада переставали существовать.

При этом система сигнального взаимодействия, не теряя своей первосигнальной природы, должна была постепенно превратиться в систему информационного взаимодействия и обрести характер весьма сложного, преимущественно звукового «языка общения»³⁰. В результате складывалась высокоразвитая наиндивидуальная информационная система, в эффективном функционировании которой важную роль играли лидеры, организующие целесообразную совместную жизнь индивидов.

Таким образом, мы предполагаем, что важным и, по-видимому, весьма длительным этапом антропосоциогенеза был период социального развития компактных высокоинтегрированных и достаточно крупных сообществ животных предков человека. Вся целенаправленная деятельность в этот период регулировалась автоматически срабатывающими рефлекторно-инстинктивными механизмами, в структуре которых весьма важную роль играли системы сигнального (информационного) взаимодействия между индивидами, социальные и социально-психологические механизмы взаимодей-

---

³⁰ Богатая основа для развития подобной системы коммуникации в условиях компактного проживания на ограниченной территории жилища, видимо, имелась уже у тех миоценовых обезьян, которые впервые спустились на землю. Это подтверждают наблюдения за современными человекообразными обезьянами, проживающими в естественных условиях. Так, Дж. Гудолл пишет: «Шимпанзе обладает богатым репертуаром звуков, поз и мимики, которые играют роль сигналов во время взаимодействия между особями. Такие сигналы в сочетании с вегетативными реакциями и другими признаками, указывающими на физиологическое состояние, эмоциональный настрой, социальный ранг и т.д., облегчают обмен информацией между членами сообщества» /с. 130/. Но эти сигналы «так часто бывают включены в сложную последовательность поведенческих реакций, что без экспериментального исследования определить воздействие отдельных компонентов невозможно /с. 130, примечание/. Но даже если удастся выделить, по крайней мере, некоторые компоненты в качестве таких сигналов, это не будет иметь особого значения, поскольку «животные проявляют большую изобретательность в коммуникативных актах» и партнер «наверняка реагирует на всю совокупность сигналов, а не на отдельные элементы» /Там же/.

ствия и взаимовлияния, а также развитая способность предметного (зрительного) мышления³¹.

Вполне естественно, что в суровых условиях конкурентной борьбы с хищными животными далеко не все первоначально возникшие компактные стада животных предков человека сохраняли свою целостность. Большая часть их рано или поздно прекращала свое существование. Те же, которые на протяжении длительного времени оставались стабильными, пополнялись индивидами из распавшихся групп и многократно перестраивались, вступая во взаимодействие с родственными группами.

На раннем этапе антропосоциогенеза, на наш взгляд, не было ни на уровне жизни и деятельности индивида, ни на уровне жизнедеятельности сообщества животных предков человека факторов и условий, способных вызвать к жизни индивидуальное сознание и свободу индивидуальной воли. Развитие еще очень долгое время могло идти по пути все более тесной интеграции и совершенствования совместной рефлекторно-инстинктивной жизни и деятельности животных предков человека, включая и их деятельность по производству и использованию различного рода орудий и хозяйственной утвари.

При этом нет необходимости предполагать наличие сознания и тем более сколько-либо сложного мировоззрения даже для объяснения определенной обрядовости первых, имеющих возраст порядка 50 тысяч лет, погребений /Смирнов, 1991/. Признаком подобной обрядовости и наличия религиозного мировоззрения считается нахождение вместе с погребенными тех или иных предметов индивидуального пользования.

Обряд погребения мог возникнуть еще на уровне животной стадии развития предков человека из простой потребности освобождения тесной площади совместного жили-

---

³¹ Подобные представления хорошо согласуются с существующим мнением о том, что мышление первобытных людей было образным, правополушарным (см.: /Меркулов, 1999, с. 58-64/).

ща, например, пещеры, от умерших сородичей³². При этом вынос тела за пределы жилища неизбежно привлекал питающихся падалью хищных животных и создавал дополнительные неудобства. Избежать этого можно было, спрятав умершего в недоступном для хищных животных месте, например, высоко на дереве, как это делают некоторые первобытные племена. Однако самым универсальным и реализуемым в любых условиях было погребение. Если этот процесс действительно был автоматическим, рефлекторно-инстинктивным процессом, а не осознанной деятельностью, то мертвые сородичи в восприятии наших животных предков отличались от живых, видимо, только некоторыми качествами, делавшими их неудобными и заставлявшими от них избавляться. В остальных же отношениях они оставались такими же сородичами, как и все остальные живые члены стада. Поэтому если в стаде животных предков человека подавлялись ослаблявшие сообщество конфликты и, в частности, конфликты из-за тех или иных орудий, то постоянно использовавшиеся умершими сородичами орудия и другие предметы могли оставаться с ними и при их погребении.

Но даже если предположить, что первые мустьерские захоронения свидетельствуют о самых ранних этапах становления индивидуального сознания, то и в этом случае оказывается, что история человеческого сознания охватывает порядка 50-ти тысяч, а не миллионы лет.

Таким образом, имеются основания предполагать, что научившийся более миллиона лет тому назад изготавливать и использовать орудия предок человека представлял собой существо, жившее рефлекторно-инстинктивной, автоматической животной жизнью. Отличительной особенностью этого существа была высокая степень интеграции его в некое объединение, которое, видимо, можно назвать "животным племенем". В этом племени, живущем очень сложной, весьма "разумной" и целенаправленной жизнью, взаимная согласованность и целенаправленность действий отдельных индивидов и их групп определялась не осознанностью ими своих действий и не свободой воли индивидов, а социальными и социально-

---

³² Известно, что кладбища, куда выносят умерших сородичей, имеются, например, у муравьев. При этом муравьи определяют умерших сородичей по «трупному запаху», и если живого муравья помазать муравьиным трупным веществом, то его будут упорно относить на кладбище, несмотря на яростные сопротивления «мертвеца».

психологическими факторами. Среди социально-психологических механизмов подчинения поведения и деятельности индивидов воле племени важную роль играли системы звуковых и наглядно-звуковых сигналов, иными словами, вплетенный в структуру сложных систем условных и безусловных рефлексов наиндивидуальный "язык" или, точнее, наиндивидуальная информационная система.

При таком понимании сущности весьма длительного периода антропосоциогенеза, охватывающего порядка 1.5 млн. лет и предшествующего последним нескольким десяткам тысячелетий, становятся более объяснимыми некоторые особенности первобытных племен, которые были скрупулезно изучены этнографами во второй половине XIX - начале XX столетия. Собранный этнографами огромный фактический материал был весьма удачно обобщен и истолкован Люсьеном Леви-Брюлем (1857-1939), опиравшимся в своих исследованиях на идеи главы французской социологической школы Э. Дюркгейма (1858-1917).

Изучая данные об образе жизни, обычаях и верованиях, языке и различного рода социальных институтах первобытных племен, Л. Леви-Брюль пришел к выводу, что в их жизни и деятельности чрезвычайно важную роль играют так называемые "коллективные представления", которые Л. Леви-Брюль определяет как навязываемые индивиду социальной группой некоторые сложные социально-психологические образования, существующие в психике и в структурах нервных и мозговых процессов индивида в виде сложного, весьма слабо дифференцированного или даже вообще недифференцированного комплекса, включающего чувственный образ объекта, вызываемые этим образом эмоции, чувства, переживания, связан-

ные с этими эмоциями, чувствами и переживаниями стремления, желания и побуждения к активным действиям и, наконец, реализующие эти действия психомоторные механизмы активной деятельности.

Поясняя сущность "коллективных представлений", Л. Леви-Брюль отмечает, что в современной психологии четко дифференцированы и изучаются как относительно самостоятельные факты эмоциональные, моторные (волевые) и интеллектуальные процессы человеческой психики и сознания. При этом "под представлением разумеют факт познания, поскольку сознание наше просто имеет образ или идею какого-нибудь объекта. Обычно отнюдь не отвергается то обстоятельство, что в реальной жизни сознания каждое представление более или менее касается влечений человека, стремится вызвать или затормозить какое-нибудь движение". Но при помощи отвлечения, пишет далее Л. Леви-Брюль, в чем для большинства случаев нет ничего незаконного, "мы пренебрегаем этими элементами представления и имеем в виду лишь основную связь его с познаваемым объектом. Представление по преимуществу явление интеллектуального или познавательного порядка" /Леви-Брюль, 1999, с.27/. У первобытных же людей "деятельность их сознания слишком мало дифференцирована для того, чтобы можно было в нем самостоятельно рассматривать идеи или образы объектов, независимо от чувств, эмоций, страстей <...>. Именно потому, что деятельность нашего сознания более дифференцирована, а также потому, что анализ его функций нам более свойствен и привычен, очень трудно реализовать одним усилием воображения более сложное состояние, в котором эмоциональные и моторные элементы выступа-

ют составными частями представления. Нам кажется, что эти состояния реально не являются представлениями" /Там же, с. 28/. Иными словами, в сознании члена первобытного племени содержание представления - чувственный образ - неразрывно связан с эмоциями, побуждениями к соответствующей активной деятельности и с самими психомоторными механизмами этих действий, в силу чего вызывающие те или иные коллективные представления слова, звуковые и наглядные сигналы вызывают не контролируемую самими индивидами деятельную реакцию.

Если теперь учесть, что, как подчеркивает сам Л. Леви-Брюль, условность эпитета "первобытный" в применении к тем племенам туземцев Африки, Америки, Австралии, Азии, которые были изучены этнографами, то мы должны отметить, что здесь мы имеем дело хотя и со значительно более ранним по сравнению с современным состоянием сознания у цивилизованных народов, но тем не менее уже значительно продвинувшимся этапом становления человеческого сознания. Однако сравнение некоторых особенностей мышления и сознания первобытных людей с мышлением и сознанием современных цивилизованных людей позволяет выявить те тенденции, экстраполяция которых в прошлое помогает понять некоторые особенности становления сознания на более ранних этапах становления человека и человечества. В частности, переход от индивида первобытных племен к человеку современной цивилизации связан с постепенным распадом коллективных представлений на относительно самостоятельные сферы чувственных образов и понятий (идей), эмоциональную сферу чувств и переживаний, сферу более или менее осознаваемых мотиваций желаний и побуждений к ак-

тивной деятельности и, наконец, сферу волевых действий, хотя, как отмечает Л. Леви-Брюль и подтверждают исследования современных психологов, процессы восприятия, мыслительные процессы и у современных людей тесно связаны с эмоциональной и психомоторными сферами, что проявляется в сопровождении этих процессов определенной активацией центров психомоторной активности, а во многих случаях и более или менее заметными следами двигательной активности.

Экстраполируя эту тенденцию в прошлое, можно, видимо, утверждать, что уже несколько десятков тысяч лет тому назад существовал такой уровень интеграции коллективных представлений, когда еще не выделялись в качестве относительно самостоятельных те или иные их составные элементы, а существовали единые высокоинтегрированные сложные паттерны возбуждений мозговых структур, которые непосредственно регулировали поведение и деятельность индивидов. Иными словами, ранние формы "коллективных представлений" можно рассматривать как своеобразные элементы рефлексивно-инстинктивной активности предка человека. При этом в структуре ранних форм "коллективных представлений" наиболее важную роль должны были играть те компоненты, которые обеспечивали согласованность совместных действий или, иными словами, эмоционально-мотивационные и психомоторные элементы, тогда как связанные с еще не зародившимся и не обретшим самостоятельного значения познавательным процессом чувственный образ объекта должен был выполнять второстепенную, как бы служебную роль. Приспособление индивидов к окружающей природной среде, к совместной жизни и деятельности племени (к сов-

местной охоте на крупных зверей, к разделке и дележу добычи, обустройству стойбища, к производству орудий традиционными методами и т.д.) вполне можно было достичь при помощи социальных и социально-психологических средств и механизмов социализации индивидов и регулирования их поведения и деятельности. Отсутствие индивидуального сознания и свободы воли на этом уровне развития было отнюдь не недостатком, а скорее преимуществом, позволявшим предкам человека вести весьма сложный, слаженный и целеустремленный образ жизни.

Исследователи языков первобытных племен отмечают чрезвычайную конкретность этих языков, наличие десятков и сотен слов, обозначающих конкретные виды того или иного особенно важного для данного племени фактора среды, природного явления и т.д., и отсутствие вместе с тем обобщающего эти факторы или явления абстрактного понятия. Эта особенность языка первобытных племен объясняется, на наш взгляд, тем, что человеческий язык формировался первоначально как система сигналов на индивидуальной информационной системы, призванных вызывать не мыслительные познавательные процессы, а вполне определенные, часто двигательные, реакции, направленные с учетом наличных обстоятельств на конкретные объекты.

Когда же и в связи с чем возникает полноценное индивидуальное сознание как осознание нашими предками самих себя и своей жизнедеятельности?

Можно вполне согласиться с мнением Н.В. Клягина о том, что потребность в полноценном индивидуальном сознании возникла прежде всего у лидеров животных племен тогда, когда в результате

длительного и очень медленного развития высокоинтегрированных сообществ животных предков человека появилось земледелие, произошло приручение полезных диких животных и возникли, таким образом, достаточно надежные источники пищи, что привело к первому демографическому взрыву, завершившемуся около 35 тысяч лет назад /Вишневский, 1982, с. 65-69/, и, соответственно, к резкому увеличению численности индивидов³³. Дело в том, что быстрый рост избыточного населения, которое невозможно было использовать в традиционных видах совместной деятельности, существенно осложнил жизнь прежде всего лидеров животных племен, поскольку снижал сплоченность племен и грозил их распадом. В этих условиях могли выжить и получить дальнейшее развитие только те сообщества, лидеры которых оказались способными подчинить своей воле многократно возросшее население и организовать его на выполнение достаточно трудоемких видов деятельности. Традиционный путь формирования качественно новых видов деятельности, сопряженный с выработкой новых рефлекторно-инстинктивных механизмов этой деятельности и соответствующих систем на индивидуальное регулирование, связан с огромными интервалами времени, тогда как возникшая перед вожаками животных племен проблема изменения структуры деятельности и методов управления требовала немедленного решения. Без осознания лидерами племен возникших перед ними задач и без элементарного

---

³³ Не исключено, что просуществовавших достаточно длительное время высокоинтегрированных сообществ животных предков человека было в период первого демографического взрыва считанное число. Более того, не исключено, что такие уникальные условия, при которых они могли существовать многие сотни тысяч лет, возникли на Земле лишь в одном ограниченном регионе и получившие в дальнейшем самостоятельное развитие высокоинтегрированные племена отпочковались от одного или небольшого числа тесно связанных между собой сообществ животных предков человека.

самосознания, т.е. способности осознавать себя и свою деятельность, было невозможно решение подобной проблемы.

Мысль о том, что индивидуальное сознание впервые возникает у лидеров сообществ первобытных предков человека, была высказана Дж. Джейнсом /Jaunes, 1976/. Согласно концепции Дж. Джейнса, первобытные люди в массе своей еще долго оставались не обладающими индивидуальным сознанием "рассудочными автоматами", поведение и деятельность которых "программировалась", помимо рефлексов и инстинктов, практическим опытом и вплетенной в структуру рефлекторно-инстинктивных механизмов наиндивидуальной информационной системой. Объясняя механизм возникновения индивидуального сознания у лидеров, Дж. Джейнс прибегает к факту межполушарной асимметрии головного мозга и считает, что поскольку за речь в основном отвечает одно (левое), а слышат оба полушария мозга, то это создает условие возникновения у индивидов "второго Я" и способности разговаривать с самим собой³⁴. Возникшее у лидеров самосознание ведет к тому, что сообщество оказывается разделенным на сознательно действующих управляющих и автоматически действующих управляемых, деятельность ко-

³⁴ Следует заметить, что, согласно современным представлениям о формировании в онтогенезе функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, первоначально, в период овладения ребенком членораздельной речью, оба полушария головного мозга выполняют речевые функции. Специализация левого полушария на речевых функциях происходит к 4-ому году (См.:/Брагина, Доброхотова, 1988, с. 61-62/). Можно предположить, что это связано с тем, что первоначально для ребенка, как и для наших далеких животных предков, язык представляет собой не средство познания окружающего мира, а средство общения в социальной среде. Правда, под руководством взрослых язык для ребенка очень быстро становится средством познания окружающего мира. В процессе же становления человека в филогенезе вполне мог существовать и, видимо, действительно существовал период, когда язык для лидеров сообщества уже стал обретать функции средства познания окружающего мира, а специализации левого полушария на речевых функциях еще не произошло и оба полушария одинаково успешно справлялись с языковыми функциями. В этих условиях и могла возникнуть, во-первых, способность к анализу ситуации в виде внутреннего диалога с самим собой, а во-вторых, способность слышать внутренним слухом некий голос, сообщающий человеку результаты подсознательно протекавшего анализа ситуации и решения возникших проблем.

торых "программируется" лидерами (т.е. вождями, жрецами, шаманами и т.п.).

Разумеется, конкретный механизм возникновения индивидуального сознания можно оспаривать, однако, как совершенно справедливо отмечает Н.В. Клягин, принятие идеи Дж. Джейнса позволяет объяснить многие странности истории. "В самом деле, предводители в пределе относились к подчиненным (например, рабам) как к вещам и, по сути, обращались с ними как с автоматами, внушаемость которых (рабская покорность) аналогична программируемости робота. (Термины "раб" и "робот" этимологически и по существу идентичны). Современному сознательному человеку это трудно себе представить, однако историкам известно, что жизнь раннеклассового общества была ритуализирована /Томсон, 1958/, причем ритуалами руководила верхушка общества, а сами ритуалы отвечали программе в вышеуказанном смысле. Ритуалы координировали жизнь общества. В зависимости от производительности труда по производству пищи и предметов первой необходимости свободное от работы время использовалось не как-нибудь, а занималось коллективными, но самими по себе лишеными непосредственного смысла делами: сооружением мегалитов, курганов, храмов и пр., а затем культовыми церемониями на этих постройках. Следует подчеркнуть, что при всей кажущейся бессмысленности этих мероприятий по содержанию они были весьма полезны обществу: они консолидировали его в условиях, когда общество расщепляло разделение труда, а относительно высокая производительность труда ослабляла производственно-практический интерес как главную основу общения» /Клягин, 1992, с. 148-149/.

Таким образом, если справедливы изложенные здесь взгляды на происхождение человека и человеческого общества, то нужно признать, что не только человек вышел из животного мира, но и само человеческое общество возникло из высокоинтегрированного сообщества животных предков человека. Причем в период формирования сознания у отдельных индивидов и перехода от животного племени к человеческому обществу образ жизни племени был настолько целесообразен и целенаправлен, что многие его элементы могли целиком сохраниться в формирующемся человеческом обществе, получая свое "рациональное" объяснение в мифологии. Те элементы полученных по наследству от животного уровня развития видов поведения и деятельности, которые не были непосредственно связаны с достижением каких-то видимых и понятных целей, могли превратиться в ритуальные действия, частью вписавшись впоследствии в структуру религиозных ритуалов, частью составив основу народных обрядов, связанных с различными этапами и событиями жизни человека (например, с рождением ребенка, достижением человеком зрелого возраста и включением его во взрослую жизнь, женитьбой, смертью и погребением, а также с началом или окончанием различных стадий сельскохозяйственных работ и др.).

Впоследствии, когда человек начал осознавать свое окружение, свою жизнь и деятельность и, наконец, самого себя, многие сохранившиеся от животного периода развития способы поведения и деятельности, инстинкты, возможно, и чувственные образы, потребовали своего осмысления. Так, членораздельная речь, по всей видимости, возникла из сопровождаемого определенными жестами и мимикой зрительно-звукового взаимодействия еще задолго до

возникновения индивидуального сознания, и "слова", т.е. определенные сочетания звуков, наряду с передачей некоторой информации, были вместе с тем сигналами рефлекторно-инстинктивных механизмов регулирования поведения и деятельности, т.е. включали, переключали, модифицировали или тормозили и отключали те или иные рефлекторные и инстинктивные реакции и действия и таким образом оказывали подчас неотвратимое воздействие на индивидов и их группы. Этот механизм "магического" действия слов на индивидов наблюдали многие исследователи первобытных племен Африки, Азии, Латинской Америки, Австралии. Именно таковы рассмотренные выше "коллективные представления", выступающие как единые комплексы. Взаимосвязи элементов комплекса настолько крепки, что если словом вызвать у первобытного человека тот или иной чувственный образ, то часто помимо воли индивид производит те действия, механизм реализации которых связан с вызываемыми данным чувственным образом чувствами и эмоциями³⁵. Эта связь слова с рефлекторно-инстинктивными механизмами регулирования состояния и функционирования организма человека, его поведения и деятельности, постепенно теряя свою эффективность, сохранилась до наших дней и является основой всякого рода воздействий на человека, например, в состоянии гипноза, при некоторых способах психотерапии, в состоянии религиозного экстаза, а также является основой еще сохранившихся в народе заклинаний, шаманства, колдовства и т.п. Поэтому нет ничего удивительного в той роли, которую играло слово в жизни древнего человека и общества.

---

³⁵ Это обстоятельство делает понятными некоторые из причин существования в первобытном обществе табу на употребление отдельных слов.

Как мы уже отметили, первоначально сознание начало формироваться у тех членов первобытного племени, которые занимали в нем лидерские позиции, и это было связано с тем, что в условиях быстрого роста численности населения все более сложными становились управленческие функции лидеров. Сам статус лидера начинает требовать осознанного поведения и деятельности, тогда как для остальных индивидов еще длительное время оказываются вполне достаточными рефлекторно-инстинктивные механизмы их жизнедеятельности. Поэтому зарождающееся сознание прежде всего "высвечивало" социальную среду и лишь постепенно распространялось на природные условия жизни и деятельности сообщества. Но это означает, что на первых этапах формирования сознания не все влияющие на поведение членов сообщества причинно-следственные связи попадали в поле зрения индивидов, что неизбежно должно было делать осознаваемую ими социальную среду более изменчивой и неопределенной, чем она представляется современному человеку. Поэтому то, что тривиально и тождественно в социальной среде для современного человека, не было таковым для человека первобытного. В частности, для первобытного человека, осознанно воспринимающего только вполне определенные "сферы" окружающей действительности, изменение внешнего облика при помощи раскраски, различных украшений, масок и т.д. было равносильно изменению самого человека. Для него индивид до изменения своего внешнего облика и он же после изменения - это разные люди.

Попытаемся представить себе мировосприятие индивида, у которого только начало пробуждаться сознание и который еще ничего не знает об объективных свойствах и закономерностях осознавае-

мой им сферы действительности, хотя во многих ситуациях неосознанно, автоматически достигает желаемых результатов. При этом воспринимаемый им мир, его объекты и процессы в значительной степени эмоционально окрашены, вызывают те или иные желания, которые во многих случаях оказываются непреодолимыми и приводят к неконтролируемым, подчас очень сложным действиям. Мышление еще в значительной степени остается зрительным, предметно-образным, а следовательно тоже эмоционально окрашенным. В этих условиях стабильность восприятия окружающей действительности оказывается зависящей не только от соотношения константности и изменчивости самой воспринимаемой действительности, но и от эмоционального состояния воспринимающего субъекта.

В процессе расширения сферы осознаваемой действительности за пределы общества древний человек распространял на окружающую его живую и неживую природу представления, сложившиеся первоначально в процессе осознания социальной среды. При этом древний человек, как пишут Г. и Г.А. Франкфорты /Франкфорт, Франкфорт, 1984/, не одушевлял неживую природу и не населял ее духами умерших сородичей. Для него просто не существовало неодушевленного мира. Окружающий мир он воспринимал не как "Оно", а как "Ты". Характерные особенности отношения древнего человека к природе как к "Ты" Франкфорты поясняют, сравнивая между собой два существующих ныне познавательных отношения, а именно: характерное для научного познания отношение субъекта к объекту и отношение к другому живому существу, когда у человека возникает "понимание" этого существа. У древнего человека еще не было субъект-объектного отношения к окружа-

ющей действительности, а имел место только второй тип отношений, сформировавшийся в момент зарождения сознания в социальной среде.

Характеризуя знания, которые формируются у индивида при возникновении второго типа отношений, Г. и Г.А. Франкфорты отмечают, что это знание "колеблется между активным суждением и пассивной "подверженностью впечатлению", между интеллектуальным и эмоциональным, расчлененным и нерасчлененным. "Ты" может представлять собой загадку и все же "Ты" до некоторой степени прозрачно. "Ты" есть живое присутствие, чьи качества и возможности могут быть хоть немного расчленены - не в результате активного исследования, но оттого, что "Ты" присутствует, проявляет себя" /с.26/. Далее, при научном познании субъектом объекта человек, осуществляющий научное познание, может воспринимать объекты и события "как управляемые универсальными законами, делающими их поведение в данных обстоятельствах предсказуемым. Напротив, "Ты" уникально. "Ты" имеет беспрецедентный, беспримерный и непредсказуемый характер личности, присутствия, известного лишь постольку, поскольку оно себя проявляет. Более того, "Ты" не только созерцаемо и понимаемо, но и эмоционально переживаемо в динамическом двустороннем взаимоотношении" /с.26/. Авторы при этом отмечают, что в древнем, как и в современном первобытном обществе, мысль человека при восприятии окружающего мира не работает автономно. "Человек как целое сталкивается с природой как живым "Ты", и в выражении полученного при этом переживания человек также участвует целиком: своими эмоциями и творческим воображением в не меньшей степени, чем своими мыслительными способностями. Знание о "Ты" в высшей степени индивидуально. И действительно, древний человек рассматривает все случаи как индивидуальные события. Описание таких событий и их объяснение могут мыслиться только как действия и по необходимости принимают форму рассказа. Другими словами, древние рассказывали мифы вместо того, чтобы производить анализ событий и делать выводы" /с.27/. Так, например, переживая засуху и воспринимая, наконец, спасительную грозу и ливень, древние вавилоняне не анализировали атмосферные явления, приведшие к подобному стечению обстоятельств, а воспринимали и переживали грозу и ливень как появление гигантской птицы Имдугуд, явившейся им на помощь, которая покрыла небо черными грозовыми тучами своих крыльев и пожирала Небесного Быка, чье горячее дыхание спалило посеvy. "Такой миф, - пишут авторы, - древние рассказывали не для развлечения. Но они и не искали - в беспристрастной манере и без скрытых мотивов - рациональных объяснений естественных явлений. Они рассказывали о событиях, от которых зависело само их существование. Они непосредственно переживали столкновение сил, одной враждебной

для урожая, от которой зависела их жизнь, другой - устрашающей, но доброжелательной: гроза спасла их в самый последний момент" /с.27/.

Как и А.Ф. Лосев в свое время, Г. и Г.А. Франкфорты подчеркивают, что "образы мифа - ни в коем случае не аллегории". Образность "представляет собой ту форму, в которой было осознано впечатление" /с.28/. "... К мифу, - пишут авторы, - необходимо относиться серьезно, ибо он открывает существенную, хотя и не верифицируемую истину. Но у мифа нет той универсальности и ясности, которая присуща теоретической формулировке. Он конкретен и претендует на неопровержимость своей правоты. Он требует признания от верующего и не претендует на оправдание перед судом критикующего" /с.28/.

Выявить на основе анализа мифологического мышления первобытных людей закономерности формирования субъективного времени и становления полноценного человеческого сознания крайне сложно.

Дело в том, что мифологическое мышление и мифологическое мировоззрение своими истоками уходят в те далекие доисторические времена, когда у животных предков человека еще только зарождалось сознание. Первоначальное мифологическое мировоззрение, по-видимому, представляло собой своего рода суммарное содержание той информационной системы, которая формировалась в процессе развития языка общения животных предков человека. При всех отличиях человеческого языка от «языков общения» животных мы не можем утверждать, что сигналы, которыми обмениваются животные, абсолютно бессодержательны. Уже на уровне языкового общения муравьев организация всей их сложной социальной жизни предполагает существование достаточно сложного информаци-

онного содержания в передаваемых ими друг другу системах сигналов.

Не может быть сомнения в том, что языковое общение животных предков человека в период формирования индивидуального сознания было информационно уже достаточно насыщенным. И действительно, было бы странно считать, что мировоззрение людей начало формироваться лишь после появления у них сознания. Правильнее, на наш взгляд, предположить, что уже в период формирования сознания существовало развитое информационно насыщенное языковое общение между индивидами и взаимное понимание ими друг друга, которые предполагали наличие в наиндивидуальной, еще не контролируемой сознанием индивида, информационной системе единой информационной модели окружающей действительности. Иными словами, возникновение индивидуального сознания представляло собой процесс осознания животным предком человека содержания и смысла передаваемой ими друг другу информации. Однако этот начальный период формирования мифологического мировоззрения отстоит от нас на несколько десятков тысяч лет, тогда как самые древние дошедшие до нас мифы – это мифы периода возникновения письменности. В этих мифах имеются разные исторические пласты и, в частности, в них присутствуют следы самых ранних периодов формирования мифологического мировоззрения. Однако выделить в дошедших до нас мифах разные исторические слои и тем более реставрировать первоначальный вариант мифологического мировоззрения крайне сложно.

При этом следует учитывать и то обстоятельство, что полноценное индивидуальное сознание, предполагающее наличие у инди-

вида субъективного времени, позволяющего осознавать различие прошедших, настоящих и будущих событий и сознательно учитывать в своей жизнедеятельности временные характеристики реальной действительности, формировалось у членов первобытного племени далеко не синхронно. Как мы уже отмечали, субъективное время и полноценное сознание прежде всего возникает у индивидов, занимающих лидерские позиции. Основная же масса индивидов еще долгое время оставалась на уровне полуживотного состояния³⁶. Если теперь учесть, что на более высоких уровнях развития человеческого общества обладающие полноценным сознанием его члены (правители, жрецы, шаманы и др.) всячески тормозили формирование и развитие индивидуального сознания у основной массы людей³⁷, то можно понять, почему значительную часть населения ранних человеческих цивилизаций составляли абсолютно бесправные и жестоко эксплуатируемые рабы, которые на протяжении нескольких тысячелетий не могли сбросить власть жрецов и фараонов и перестроить общество на более демократических основах.

Здесь возникает вопрос о том, в какой мере дошедшие до нас мифы отражают уровень развития основной массы населения древних первобытных обществ и в какой мере в них нашли отражение особенности мировоззрения той небольшой части первобытно-

---

³⁶ Показательно в этом отношении вызывающее удивление историков сочетание в Древней Греции удивительного взлета культуры с первобытной дикостью основной массы населения. Так, А. Боннар пишет, что «...в течение всей своей истории, включая и период ослепительного, всестороннего расцвета и созданных им шедевров... греческий народ, вместе с “Элладой Эллад” – Афинами... придерживался суеверий и нравов, то несколько странных, то прямо “полинезийских”, порой просто забавных, а иногда таких чудовищно жестоких, что чувствуешь себя здесь за тысячи верст от всякой цивилизации» /Боннар, 1958, с. 17/.

³⁷ Так, например, письменность, зачатки научных знаний и другие достижения человеческого интеллекта в Древнем Египте и других ранних цивилизациях были секретным достоянием правителей и жрецов. Более того, даже в Древней Греции многие философы засекречивали свои учения и делали их достоянием только небольшого числа посвященных

го общества, которое обладало полноценным человеческим сознанием. Вполне может оказаться, что дошедшие до нас системы мифов древних народов – это результат устного народного творчества основной массы населения. Этим, в частности, объясняется, на наш взгляд, характерная для раннего мифологического мировоззрения безвременность мироздания³⁸, отражающая особенности мировосприятия основной массы населения первобытного общества, еще не обладающего развитым субъективным временем и в силу этого не способного осознать временные свойства объективно-реальной действительности.

Выводы

1. В истории формирования Человека и человеческого общества имелся весьма длительный период становления сознания, представлявший собой единый процесс антропосоциогенеза, в котором биогенетический аспект сводился в основном к формированию человеческого мозга и к закреплению в его структурах и процессах социально детерминированных программ поведения и жизнедеятельности.

2. Изначально «сознательная» жизнедеятельность формировалась на уровне сообщества не имевших индивидуального сознания животных предков человека и лишь значительно позже, не у всех сразу и не с одинаковой быстротой начало формироваться индивидуальное сознание. Такое представление об очередности формирования «осознанного» поведения сообщества и индивидуального сознания в ходе антропосоциогенеза требует серьезного пересмотра

³⁸

См. первую часть монографии «Феномен времени»: /Хасанов, 1998, с. 52-60/.

традиционного подхода к решению проблемы возникновения сознания.

3. Высокий уровень интеграции индивидов в сообществе и развитие на основе рефлекторно-инстинктивных механизмов поведения и деятельности регулирующей эту деятельность **наиндивидуальной информационной системы** является, на наш взгляд, необходимой ступенью на пути к возникновению сознания и осознанного образа жизни.

4. Индивидуальное сознание впервые возникает у лидеров сообществ первобытных предков человека, способных подчинить своей воле членов племени и организовать их на выполнение совместной деятельности.

5. В период формирования сознания существовало развитое информационно насыщенное языковое общение между индивидами и взаимное понимание ими друг друга, которые предполагали наличие в наиндивидуальной, еще не контролируемой сознанием индивида информационной системе единой информационной модели окружающей действительности.

6. Важным критерием возникновения полноценного человеческого общества является способность его членов осознавать в значительных интервалах времени события прошедшего, настоящего и будущего времени, понимать взаимосвязи этих событий и осознанно учитывать их при организации жизнедеятельности общества.

7. В становлении человеческого сознания, как при онтогенетическом развитии индивида, так и при филогенетическом формировании Человека и человечества, можно выделить два основных этапа. На первом этапе возникает осознанное пространственно-образное восприятие окружающей среды и появляется субъективное про-

странство как атрибутивное свойство индивидуального сознания. Второй этап связан с возникновением у индивидов способности осознавать прошедшие, настоящие и будущие события, выявлять существующие между ними причинно-следственные связи и учитывать их в своей жизнедеятельности, что предполагает появление в сознании человека субъективного времени.

Литература

- Алексеев В.А., Першиц А.И.** История первобытного общества. - М.: "Высшая школа", 1990. – 351 с.
- Алексеев В.П.** Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
- Арнхейм Р.** Визуальное мышление. Главы 1, 2, 3, 7 // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент: (Сб. переводов). Часть I. - Душанбе, 1971, с. 9-36; Часть II. - Душанбе, 1972, с. 8-98.
- Бауэр Т.** Психическое развитие младенца /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 320 с.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 446 с.
- Боас Ф.** Ум первобытного человека. – М., 1926.
- Бондаренко Л.И.** Основные этапы становления сознания (Логическое и историческое в становлении сознания) – Киев: Вища школа, 1979.
- Боннар А.** Греческая цивилизация. Т. 1. От Илиады до Парфенона. – М.-Л.: ИЛ, 1958.
- Боннар А.** Греческая цивилизация. Т. 2. От Антигоны до Сократа. – М.-Л.: ИЛ, 1959.
- Бонч-Осмоловский Г.А.** Эволюционное значение противопоставления большого пальца // Журн. общ. биол., 1944, № 5.
- Бонч-Осмоловский Г.А.** Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба // Палеолит Крыма. – М.-Л., 1941, вып. 2.
- Борисковский Н.И.** Исторические предпосылки оформления так называемого homo sapiens // Проблемы истории докапиталистического общества, 1935, № 1-2, 5-6.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.** Функциональная асимметрия человека / 2-е изд. перераб. и доп. - М.: "Медицина", 1988.
- Бунак В.В.** Ранние стадии эволюции гоминид и начало прямохождения // Вопросы антропологии. Вып. 53. 1976, с .
- Бунак В.В.** Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии // Сов. этнография, 1951а, № 3.
- Бунак В.В.** Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из Тешик-Таш (Узбекистан)// Сборник Музея антропологии и этнографии. 1951 б, 13.
- Бунак В.В.** Происхождение речи по данным антропологии// Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1951 с, № 3
- Бюлер К.** Духовное развитие ребенка. - М., 1924. – 556 с.

- Вишневский А.Г.** Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. - М., 1982.
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. 1955. Т. 28.
- Гибсон, Дж. Дж.** Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988. – 461 с.
- Гудолл, Джейн.** Шимпанзе в природе: поведение. - М.: "Мир", 1992. – 670 с.
- Гурьев Д.В.** Предшествовал ли труд сознанию // Вопросы философии, 1967, 2, с. 57-65.
- Давыдов В.В.** Виды обобщений в обучении. М.: Педагогика, 1972. – 424 с.
- Ерахтин А.В.** Диалектика становления мышления и сознания. – Свердловск, 1989.
- Жинкин Н.И.** Семиотические проблемы коммуникации животных и человека // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Сб. ст. – М.: МГУ, 1973, с. 60-76.
- Забелин С.И.** Передача информации о направлении движения к применке тактильным кодом у муравьев *Tapinoma simrothi karavaievi* // Зоол. журн., 1979, т. 58, вып. 8, с. 1168-1171.
- Запорожец А.В.** Ленинская теория отражения и проблемы умственного развития ребенка // Вопросы психологии, 1970, 2.
- Захаров А.А.** Взаимодействие рабочих особей муравьев // Экологические и эволюционные аспекты поведения животных. – М.: Наука, 1974, с. 119-126.
- Захаров А.А.** Проявление иерархии у муравьев // Экология, 1977, вып. 4, с. 61-65.
- Захаров А.А.** Поведенческая организация семьи у муравьев // Чтения памяти Н. А. Холодовского. – Л.: Наука, 1981, с. 34-58.
- Захаров А.А.** Внутривидовые отношения у муравьев. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
- Зорина З.А., Полетаева И.И.** Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 320 с.
- Кёлер В.** Исследование интеллекта человекообразных обезьян. – М., 1930.
- Кларк Дж.Д.** Доисторическая Африка. - М.: "Наука", 1977.
- Кликс Ф.** Пробуждающееся мышление: История развития человеческого интеллекта. – Киев: Изд-во при КГУ изд. Объединения «Вища школа», 1985. – 295 с.
- Клягин Н.В.** Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). – М.: ИФРАН, 1996. – 252 с.
- Клягин Н.В.** От доистории к истории. /Палеосоциология и социальная философия/. - М.: "Наука", 1992. – 192 с.
- Клягин Н.В.** К происхождению цивилизованного производства человека // Цивилизация и общественное развитие человека. – М., 1989, с 22-33.
- Корнилов К.Н.** Биогенетический принцип и его значение в педагогике // Детство и юность: Педагогический сб. / Под. ред. К.Н. Корнилова. – М., 1922.
- Кочеткова В.И.** Современное состояние проблемы гоминизации// Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. – М., 1972, с. .
- Лангмейер Й., Матейчек З.** Психическая депривация в детском возрасте. – Прага: Медицинское изд-во «Авиценум», 1984. – 334 с.
- Ладыгина-Котс Н.Н.** Исследование познавательных способностей шимпанзе Ч. I, II. М.: ГИЗ, 1923.

- Ладыгина-Котс Н.Н.** Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. – М., 1935.
- Ладыгина-Котс Н.Н.** Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми) . – М., 1965.
- Леви-Брюль Л.** Первобытное мышление. - Л., 1930.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: «ПЕДАГОГИКА-ПРЕСС», 1999. – 608 с. (Содержание: «Первобытное мышление», с 7-372; «Сверхъестественное в первобытном мышлении», с. 373-574).
- Ломов Б.Ф.** Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
- Мариковский И.П.** К вопросу о сигнализации у муравьев // Энтомологич. обзор, 1958, т. 37, вып. 3, с. 557-562.
- Мариковский П.** Муравьиный язык // Природа, 1965, 6, с. 55-59.
- Мариковский И.П.** Муравьи пустынь Семиречья. - Алма-Ата: Наука, 1979. - 263.
- Меркулов И.П.** Когнитивная эволюция. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), - 1999. – 310 с.
- Мюллер Ф., Геккель Э.** Основной биогенетический закон: пер. с нем. – М.-Л., 1940.
- Носова Т.В.** Аномалии генезиса ребенка // **Носов Н.А.** Виртуальный человек. Очерки по виртуальной психологии детства. М.: Изд-во Магистр, 1997, гл. 5, с. 96-138.
- Оконская Н.Б.** Основы метаантропологии. – М.: Вузовская книга, 2004. – 224 с.
- Подьяков Н.Н.** О формировании наглядно-образного мышления у детей дошкольного возраста // Вопросы психологии, 1973, 3.
- Подьяков Н.Н.** К вопросу о генезисе наглядно-образного мышления // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент. Часть IV. - Душанбе, 1974, с. 147-168.
- Поршнев Б.Ф.** Эхолалия как ступень формирования второй сигнальной системы // "Вопросы психологии", 1964, 5, с.
- Поршнев Б.Ф.** Социальная психология и история. - М., 1966. (Второе доп. и испр. издание: М.: Наука, 1979. - 232 с.).
- Поршнев Б.Ф.** О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). - М.: Мысль, 1974. - 487 с. со схем.
- Поршнев Б.Ф.** Генетическая природа сознания (Интердиктивная функция речи) // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. – М., 1966. – 600 с.
- Проблемы сознания. Материалы симпозиума.** – М., 1966. – 600 с.
- Резникова Ж.И.** Межвидовые отношения муравьев. Новосибирск: Наука, 1983. – 206 с.
- Резникова Ж.И., Рябко Б.Я.** Теоретико-информационный анализ "языка" муравьев // Журн. общ. биол., 1990, т. 51, № 5, с. 601-609.
- Режабек Е.Я.** Мифомышление (когнитивный анализ). – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
- Рогинский Я.Я.** К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции // Антропологический журнал, 1936, 3.
- Рогинский Я.Я.** Проблема происхождения Homo sapiens // Успехи биологических наук, 1939, т. 9, № 1 (4).
- Румянцев А.М.** Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство: (Политико-экономические очерки). – М.: Наука, 1981. – 262 с.

- Свядоц А.М.** Неврозы и их лечение: 2-е изд. - М.: Медицина, 1971.– 456 с.
- Семенов С.А.** Производство и функции каменных орудий // Каменный век на территории СССР. – М., 1970.
- Семенов С.А.** Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологии. – М.-Л., 1968 а.
- Семенов С.А.** Очерки развития материальной культуры и хозяйства палеолита// У истоков человечества. – М., 1964.
- Семенов С.А.** О каменных орудиях австралопитека // Советская археология, 1958, 3
- Семенов С.А.** Первобытная техника // Материалы к исследованию по археологии СССР. – М.; Л., 1957, № 54.
- Семенов Ю.И.** На заре человеческой истории. - М.: "Мысль", 1989.
- Семенов Ю.И.** Как возникло человечество. (Изд. 1-е.- М., 1966; Изд. 2 – М.: Наука, 2002. – 576 с.).
- Славятинская М.Н.** О становлении категории времени в греческом языке // Вопросы классической филологии: Вып. VI - М.: Изд. МГУ, 1976, с. 115-144.
- Смирнов Ю.А.** Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тифологии. – М.: Наука, 1991. – 341 с.
- Спиркин А.** Происхождение сознания. – М.: Политиздат, 1960. – 471 с.
- Спиркин А.Г.** Возникновение сознания человека // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. – М., 1966, с. 17-26.
- Томсон Дж.** Исследование по истории древнегреческого общества: Т. I. Доисторический эгейский мир. – М., 1958. Т. II. – М., 1959.
- Туровский М.Б.** Труд и мышление. Предыстория человека. – М.: Высшая школа, 1963.
- Уилсон Э.** Феромоны // Наука и жизнь, 1963, 12.
- Уилсон Э.** Язык приказов, которым повинуются насекомые, имеет физико-химическую природу // Наука и жизнь, 1964, 5.
- Успенский С.И.** Новый метод вычисления емкости эндокрана и его биологические основы// Сов. антропология, 1958 а, 2.
- Успенский С.И.** Новый метод морфологического исследования нейрокрана человека// Биол. Науки, 1958 в, 3/.
- Фосси, Д.** Гориллы в тумане. - М.: "Прогресс", 1990.
- [**Франкфорт Г., Франкфорт Г.А.**] Миф и реальность // [**Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсон Т.**] В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. - М.: Наука, 1984, с. 24-44.
- Хасанов И.А.** Феномен времени. Часть I. Объективное время. – М., 1998, - 230 с.
- Хасанов И.А.** Время: природа, равномерность, измерение. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
- Хасанов И.А.** Феномен времени. Часть II. Вып. 1. – М., 2004. – 99 с.
- Хасанов И.А.** Феномен времени. Часть II. Вып. 2. – М., 2005. – 77 с.
- Хольт Г.** Образы: возвращение из изгнания // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент: (Сб. переводов). Часть 1. - Душанбе, 1971.
- Хрестоматия по возрастной психологии. 1. Работы советских авторов периода 1918-1945 гг. /** Под ред. И.И. Ильясова, В.Я. Ляудис. – М.: МГУ, 1980.
- Хрипкова А.Г.** Возрастная физиология. – М.: Просвещение, 1978. – 287 с.

- Шаллер, Дж.Б.** Год под знаком гориллы. - М.: "Мир", 1968.
- Шовен Р.** От пчелы до гориллы. - М.: "Мир", 1965.
- Энгельс Ф.** Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961, с. 269-317.
- Юзефович А.Н.** Прорывы постепенности в эволюции человека // Природа, 1939, 11.
- Юзефович А.Н.** Кисть неандертальца // Природа, 1938, 9.
- Якимов В.П.** Ранние стадии антропогенеза // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. 1951. Т. 16.
- Bhatkar A.P.** Evidence of intercolonial food exchange in fire ants and other Myrmecinae, using radioactive phosphorus // *Experientia*, 1979, v. 35, № 9, p. 1172-1173.
- Clark J.** The problem of pebble cultures // *Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche.* – Roma, 1962.
- Dart K.** The osteodontoceratic culture of australopithecus prometheus // *Transvaal Museum Memoirs*, 1957, 10.
- Fellers J.H., Fellers G.M.** Tool use in a social insect and its implications for competitive interaction // *Science*, 1976, v. 192, № 4234, p. 70-72.
- Fresnean D., Jaison P.** Note preliminaire sur la periode sensible intervenant dans la mise en place des comportements de soins aux cocons cher la Formi rouse (*Formica polyctena Först*) // *C. r. Acad. Sci.*, 1975, № 3, p. 351-354.
- Fouts R.S.** Communication with chimpanzees//*Hominization and behavior*. Kuth G., Eibl-Eibesfeldt I. (eds.) / Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1975. P. 137-158.
- Fouts R.S., Fouts D.H., Schoenfeldt D.** Sign language conversational interaction between chimpanzees//*Sign Language Studies* 1984. V. 42. P. 1-12.
- Gardner R.A., Gardner B.T.** Teaching sign language to a chimpanzee //*Science*. 1969. V. 165. P. 664-672.
- Gardner R.A., Gardner B.T.** A Signs of intelligence in cross-fostered chimpanzees// *Phil. Trans. R. Soc.* 1985. London. B308. P. 159-176/.
- Haskins C.P., Haskins E.F.** Notes on female and workers survivorship in the archaic ant genns *Myrmeca*// *Insect soc.*, 1980, v. 27, № 4, p. 345-350.
- Hölldabler B.** Recruitme behavior, home range orientation and territoriality in harverter ants *Pogonomyrmex* // *Behav. Ecol. Sociobiol.*, 1976, № 1, p. 3-44.
- Hölldabler B.** Territoriality in ants // *Amer. Philosoph. Soc.*, 1979, v. 123, № 4, p. 211-218.
- Hölldabler B., Wilson E.O.** Weaver ants: social establishment and maintenance of territory // *Science*, 1977, v. 195, № 4281, p. 900-902.
- Jaison P.** L'impregnation dans l'outogenese des comportements de soins aux cocons cher lajeune Formi rousse... // *Behaviour*, 1975, v. 52, № 1-2, p. 1-37.
- Jaynes J.** The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, 1976. - 467 p.
- Le Moley F., Passetti M.** Osservazioni preliminari sul comportamento di scelta e cura dei bozzoli in *Formica rufa L.* Il rudo dell'apprendimento // *Atenco parm. Acta natur.*, 1976, v. 12, № 4, p. 361-365.
- Leakey L.S.B., Tobias P.V., Napier J.R.** A new species of genus Homo from Olduvai Gorge // *Nature*, 1964, vol. 202, № 4927.
- Otto D.** Die Rote Waldameise. – Wittenberg, 1962.

Piaget J. Need and Significance of cross-cultural studies in genetic psychology // culture and Cognition: Readings in Cross-cultural Psychology / Eds. J. W. Berny, P. R. Dasen. London, 1974.

Premack A.J., Premack D. Teaching language to an ape //Sci. Am. 1972. V. 227. P. 92-99.

Premack D. Animal Cognition //Annual Review of Psychol. 1983. V. 34. P. 351-362.

Premack D. Levels of causal understanding in chimpanzees and children // Cognition. 1994. V. 50. No. 1-3. P. 347-362.

Rechsteiner A. Un eventual conditionnement instrumental cher la formi (Formica polyctena) //C. r. Acad. Sci., 1968, №19, p. 1535-1537.

Rechsteiner A. Essoid de coditionnment instrumental de fourmilieres (Formica polyctena) // Rev. comport. anim, 1971, v. 5, № 3, p. 143-152.

Rumbaugh D.M., Gill T.V., von Glaserfeld E.C. Reading and sentence completion by a chimpanzee (Pan)// Science. 1973. V. 182. P. 731-733.

Rumbaugh D.M., Hopkins W.D., Washburn D.A., et al. Comparative perspectives of brain, cognition, and language//In: N.A. Krasnegor, D.M. Rumbaugh, R.L. Schiefelbusch, M. Studdert-Kennedy (eds). Biological and behavioral determinants of language development/Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1991.

Savage-Rumbaugh E.S. Acquisition of functional symbol usage in apes and children //in: H.L. Roitblat, T.C. Bever, H.S. Terrace (Eds.) Animal Cognition / Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1984. P. 291-311.

Savage-Rumbaugh E.S., Murphy J., Sevcick R., et al. Language comprehension in ape and child // Monographs of the Soc. For Research in Child Development. 1993. Serial No. 233. V. 58. Nos. 3-4.

Оглавление

.....	3
АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ	3
СОЗНАНИЯ.....	3
(НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ).....	3
Москва.....	3
2006.....	3
АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ	4
СОЗНАНИЯ	4
(НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ)	4
.....	4
Москва.....	4
2006.....	4
ISBN 5-8081-0221-9	© И.А. Хасанов, 2006.....5
	© ИПКГосслужбы, 2006.....5
Введение	6
1. Основные источники информационной базы	9
современных теорий антропо- и социогенеза.....	9
2. Современное состояние проблемы антропо- и социогенеза.....	18
3. Возникновение субъективного пространства.....	29
и субъективного времени – необходимое условие.....	29
становления и развития полноценного.....	29
человеческого сознания.....	29
4. Некоторые закономерности становления.....	38
индивидуального и коллективного сознания	38
Выводы.....	64
Литература	66
Оглавление.....	71

Хасанов Ильгиз Абдуллович.

**Антропосоциогенез и происхождение сознания
(некоторые методологические вопросы).**

Редактор - Н.С. Хасанова

Компьютерная верстка автора.

Сдано в набор 12.02.2006. Подписано в печать 27.01.2006

Объем 9,0 печ. Л. Тираж 100 экз.

ГУП «Типография на Люсиновской» г. Москва

Государственное образовательное учреждение дополнительного
профессионального образования «Институт повышения квалификации
государственных служащих» (ИПКГосслужбы).

115035, Москва, ул. Садовническая, 77, стр. 1.

Е-mail: ipkgos@dol.ru

www.ipkgos.ru